

И. И. ГОРЕЛИК

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
*за оставление в опасности
по советскому уголовному
праву*

Государственное издательство
юридической литературы
Москва 1960

ВВЕДЕНИЕ

Оставлением в опасности называется неисполнение обязанности по оказанию помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии и неспособному принять меры самосохранения, если не оказавший помощь имел возможность ее оказать.

Действующему уголовному законодательству известно несколько видов оставления в опасности:

1. Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии в случаях, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь (ст. 156 УК¹);

2. Неоказание медицинской помощи больному лицом медицинского персонала (ст. 157 УК);

3. Неоказание капитаном судна помощи людям, гибнущим на водных путях, если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для судна, экипажа и пассажиров (ст. 156¹ УК).

Кроме того, уголовные кодексы Украинской, Белорусской, Узбекской, Грузинской и Туркменской союзных республик предусматривают ответственность за несообщение подлежащим учреждениям или лицам об опасном для жизни положении другого лица, неоказание ему помощи, которую можно было оказать, если следствием этого явилась смерть или тяжкие телесные повреждения.

---

¹ В дальнейшем при ссылках на уголовный кодекс имеется в виду, если не оговорено иное, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и соответствующие статьи одноименных кодексов союзных республик.

Оставление в опасности предусмотрено в действующих уголовных кодексах в главе «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»¹.

Специальный объект данного состава тот же, что и всей группы преступлений против личности.

Значительный интерес представляет определение непосредственного объекта состава оставления в опасности. Правильное определение непосредственного объекта имеет практически важное значение и помогает разграничению преступного поведения от непроступного.

Как вытекает из приведенных выше статей, непосредственным объектом рассматриваемого состава является жизнь человека. Так, ст. 156 УК говорит об «опасном для жизни состоянии», ст. 156¹ УК — о «людях, гибнущих на море или на ином водном пути», и т. д.

Для состава оставления в опасности характерно то, что лицо, оказавшееся в опасном для жизни состоянии, не может принять само меры к спасению вследствие своей беспомощности.

С объективной стороны оставление в опасности может быть совершено путем бездействия. Какое-то лицо не оказывает помощи другому, находящемуся в беспомощном состоянии. Эта беспомощность может быть вызвана различными причинами. Она может явиться следствием физического состояния потерпевшего, например болезни, либо быть порождена какими-то иными обстоятельствами, например, в результате аварии лицо оказалось в открытом море.

Для привлечения к ответственности за оставление в опасности необходимо, чтобы не оказавший помощь был обязан действовать определенным образом. Обязанность действовать может возникнуть вследствие различных обстоятельств. Она может быть обусловлена договором. Например, домашняя работница, нанятая для присмотра за ребенком, не оказывает ему помощи, оставляя его в опасном для жизни состоянии. Такая обязанность может быть предусмотрена и законом (на-

пример, неоказание помощи врачом больному). Для наличия оконченного состава оставления в опасности не требуется наступления определенных последствий. Рассматриваемое преступление будет оконченным при одном уже факте оставления в опасности.

С субъективной стороны оставление в опасности может повлечь за собой ответственность лишь в случаях умышленной вины. Виновный сознает, что не оказывает помощи, и тем самым оставляет другое лицо в опасном для жизни состоянии. Если же отсутствует сознание опасности, угрожающей оставленному, то нет ответственности за оставление в опасности.

С субъектом оставления в опасности может быть лишь определенное лицо. Таковыми может явиться либо лицо, обязанное иметь об оставленном заботу (ст. 156 УК), либо капитан судна в определенных условиях (ст. 156¹ УК), либо лицо, обязанное оказывать медицинскую помощь (ст. 157 УК).

Следует отметить, что ст. 156 УК, определяя наказание за оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном, в то же время содержит и общее определение оставления в опасности.

¹ Исключением является состав неоказания помощи на водном пути, отнесенный Уголовными кодексами Украинской и Грузинской союзных республик к преступлениям против порядка управления, а Уголовным кодексом Узбекской ССР к преступлениям, нарушающим правила, охраняющие народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок.

Глава I

ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ ЛИЦОМ, СПЕЦИАЛЬНО ОБЯЗАННЫМ ЗАБОТИТЬСЯ ОБ ОСТАВЛЕННОМ

Уже с первых дней существования Советской власти народные суды привлекали к уголовной ответственности за неоказание помощи погибающему независимо от того, лежала ли на виновном специальная обязанность заботиться о нем, если только была возможность без риска для себя оказать помощь. В качестве наказания народные суды применяли к виновным краткосрочное лишение свободы. Уголовная ответственность за оставление в опасности, применяемая по инициативе народных судов, выражала отрицательное отношение Советской власти к безразличию к судьбе другого человека и имела огромное воспитательное значение.

Впервые в советском уголовном законодательстве ответственность за оставление в опасности была установлена Уголовным кодексом 1922 года. В главе о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности законодатель отдельно выделил группу преступлений — оставление в опасности. При этом в нем предусматривались: оставление в опасности беспомощного человека лицом, специально обязанным заботиться о нем (ст. 163 УК); неоказание помощи больному лицами медицинского персонала (ст. 165 УК); неоказание помощи погибающему лицу, специально не обязанным заботиться о нем (ст. 164 УК).

«Оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или

вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице», наказывалось лишением свободы на срок до двух лет (ч. I ст. 163 УК). Наказание усиливалось до трех лет лишения свободы, «если оставленное без помощи лицо... и не находилось на попечении оставившего, но последним было поставлено в заведомо опасное для жизни условие» (ч. 2 ст. 163 УК). В последнем случае обязанность заботиться об оставленном вытекала из предшествующих действий виновного.

Статья 163 УК своим содержанием охватывала и ответственность лиц медицинского персонала, поскольку в силу своей профессии они обязаны были оказывать медицинскую помощь. Однако, учитывая специфику этой профессии и характер помощи, в которой нуждается больной, законодатель в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года выделил неоказание медицинской помощи в самостоятельный состав преступления. Ст. 165 УК различала простой и более опасный виды этого преступления. К первому в Уголовном кодексе относилось «Неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам (ч. I ст. 163 УК), что наказывалось принудительными работами на срок до одного года или штрафом. Ко второму — «Отказ врача в оказании медицинской помощи, если он заведомо мог иметь опасные для больного последствия» (ч. 2 ст. 165 УК), что влекло за собой лишение свободы на срок до двух лет.

Постановлением 2-й сессии ВЦИК X созыва от 10 июля 1923 г.¹ слова «отказ врача» в ч. 2 ст. 165 УК были заменены словами «отказ медицинского персонала».

Кроме того, декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников»² и инструкция Наркомздрава, Наркомвнудела, Наркомтруда и ВЦСПС «О порядке и правилах оказания первой неотложной медицинской помощи» от 11 марта 1926 г.³ устанавливали, в каких

¹ СУ РСФСР 1923 г. № 48

² СУ РСФСР 1924 г. № 88

³ «Бюллетень Наркомздрава РСФСР» 1926 г. № 5

случаях неоказание помощи больному влечет уголовную ответственность по ст. 165 УК.

Лицо, специально не обязанное заботиться о погибающем, привлекалось к ответственности по ст. 164 УК РСФСР 1922 года за «несообщение подлежащим учреждениям или лицам об опасном для жизни положении другого лица, неоказание последнему помощи, которую он мог оказать, если вследствие этого причинена смерть или тяжкое телесное повреждение», и подвергалось наказанию исправительным работам сроком до шести месяцев.

Таким образом, первый советский уголовный кодекс признал преступным оставление в опасности независимо от того, была ли на виновного возложена специальная обязанность заботиться об оставленном или нет.

В связи с принятием уголовных кодексов союзных республик в 1926—1928 гг. в нормы об ответственности за оставление в опасности были внесены некоторые изменения: уточнены диспозиции, снижены санкции и в отдельных республиках сужены рамки ответственности.

Статья 156 УК РСФСР гласит: «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного возможности принять меры самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности в случаях, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь, — исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до трехсот рублей».

Уточнение диспозиции выразилось во включении в текст этой статьи указаний на заведомое оставление без помощи и на имеющуюся у виновного возможность оказать помощь. Аналогичные уточнения были сделаны за отдельными исключениями в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

В качестве специального вида оставления в опасности, уголовные кодексы 1926—1928 гг. выделили неоказание медицинской помощи (ст. 157 УК).

В кодексах 1926—1928 гг. было значительно снижено наказание за оставление в опасности. Вместо лишения свободы на срок до трех лет (по ст. 163 УК 1922 года)

и лишения свободы на срок до двух лет (по ст. 165 УК 1922 года) в ст. 156 УК РСФСР 1926 года предусматривались исправительные работы на срок до шести месяцев или штраф, а в ст. 157 УК — лишение свободы или исправительные работы на срок до одного года или штраф.

В уголовных кодексах УССР, БССР, Узбекской, Грузинской и Туркменской союзных республик была сохранена ответственность за оставление в опасности для лиц, специально не обязанных заботиться об оставленном. Не считая отдельных изменений уточняющего характера, в этих кодексах сохранялась диспозиция и санкция ст. 164 УК РСФСР 1922 года, а в УК Туркменской ССР наказание за это преступление было повышено на срок до одного года лишения свободы.

Система рассматриваемых преступлений, принятая в первом кодексе и за отмеченным исключением сохраненная в уголовных кодексах союзных республик 1926—1928 гг., была дополнена постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1929 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями». Данное постановление является первым общесоюзным законом, установившим ответственность за один из видов оставления в опасности. До этого ЦИК СССР признал имеющей силу на территории СССР Брюссельскую конвенцию от 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море». В связи с этим уголовные кодексы союзных республик были дополнены нормами конвенции¹. В частности, в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года² была включена ст. 196-б следующего содержания: «Непринятие должных мер капитаном одного из столкнувшихся на море судов для спасения другого судна, поскольку эти меры могли быть приняты без серьезной опасности для своих пассажиров, экипажа и судна, влечет за собой, независимо от ответственности за неподачу помощи экипажу и пассажирам терпящего бедствие судна (ст. 163 УК), лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или штраф

¹ СЗ СССР 1926 г. № 22

² СУ РСФСР 1926 г. № 36

до пятисот рублей». В принятый в 1926 году новый Уголовный кодекс была включена ст. 176, соответствующая по содержанию ст. 196-б. Таким образом, до постановления ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1929 г. не оказание помощи погибающему на водном пути рассматривалось на общих основаниях — по ст. 156 УК РСФСР 1926 года (ст. 163 УК 1922 года).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1929 г. не оказание помощи на водном пути было выделено в самостоятельный состав преступления.

* * *

Рассматриваемое преступление предусмотрено ст. 156 УК: заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного возможности принять меры самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь.

Законодатель перечисляет ряд причин, в результате которых человек может оказаться в беспомощном состоянии, — малолетство, дряхлость, болезнь. Все их можно назвать физиологическими причинами беспомощности.

Однако в некоторых случаях в посторонней помощи нуждается и здоровый человек. Например, лицо не может само выбраться из горящего здания. Беспомощным является также и тот, кто находится в таком состоянии, что не чувствует надвигающейся на него опасности: спящий или глухонемой, находящийся на рельсах, по которым движется поезд, пьяный на сильном морозе и т. п.

Для рассматриваемого состава важно, что лицо, оказавшееся в опасном состоянии, не может принять меры к самосохранению.

Бездействие при рассматриваемом составе выражается в неисполнении обязанности по оказанию помощи лицу, жизнь которого находится в опасности. Для наличия данного состава необходимо, чтобы на лице, которое бездействовало, лежала специальная обязанность заботиться об оставленном. Такая обязанность может

быть предписана нормативными актами, договором, вытекать из профессии данного лица или его предшествующих действий и т. д.

Специальная обязанность заботиться о другом лице может вытекать из родственных или брачных отношений. Непосредственно в законе эта обязанность не предусмотрена. Однако вся совокупность регламентированных Кодексом законов о браке, семье и опеке отношений между родственниками и супругами позволяет сделать такой вывод¹.

Обязанность оказания помощи может быть предписана договором. Сиделка, принявшая на себя обязанность ухаживать за тяжело больным, проводник, взявшийся провести туриста в определенное место, — все они отвечают за оставление порученного их надзору человека в состоянии опасности. При этом не имеет значения, был ли заключен договор в письменной форме или имела место лишь устная договоренность.

Определенная профессия того или иного лица также может порождать обязанность оказать помощь лицу, оказавшемуся в опасном для жизни состоянии. Так, пожарные обязаны спасти людей, находящихся в горящих зданиях, при наличии, конечно, для этого реальной возможности².

¹ Если доставление содержания каким-либо лицом другому в силу их родственных или брачных отношений является правовой обязанностью, то тем более такой обязанностью является забота о жизни оставленного, не сопряженная с каким-либо серьезным ущербом. Поэтому следует признать, что специальная обязанность оказывать помощь находящемуся в опасности лежит на всех лицах, которые в силу закона должны доставлять ему содержание. (См ст ст 14, 42, 42¹, 42³, 49, 54, 55 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР.)

² Кроме того, типовые правила движения на автотранспорте обязывают водителя беспрекословно предоставлять в распоряжение работников милиции машину для перевозки в лечебное учреждение лиц, нуждающихся в экстренной медицинской помощи, а также для следования к месту аварии, несчастного случая или стихийного бедствия. Указанные правила обязывают также водителя при авариях и несчастных случаях оказывать помощь пострадавшему. Проводники, обслуживающие пассажирские вагоны, обязаны принимать меры к оказанию первой помощи заболевшим в пути следования путем вызова врачей с ближайшего медпункта. Организация спасательной службы в альпинизме подробно описана заслуженным мастером спорта А. Малениным в брошюре «Меры безопасности в альпинизме».

Наконец, специальная обязанность заботиться о находящемся в состоянии опасности вытекает из предшествующих действий того лица, которое создало опасную для кого-то ситуацию. Если одно лицо поставило другое в опасное для жизни последнее состояние, то, естественно, что оно должно помочь ему.

Отдельные авторы пытаются расширить понятие специальной обязанности заботиться об оставленном. А. Н. Трайнин считал, что такая обязанность возникает также из «конкретных обстоятельств дела»¹. Если А. и Б. едут по уединенной дороге на велосипедах и А. по неосторожности, налетев на дерево, падает и получает увечье, то на Б., по мнению А. Н. Трайнина, лежит специальная обязанность позаботиться об А. Более того, по мнению А. Н. Трайнина, такая обязанность лежит на В. и Г., которые, не являясь работниками службы спасения на водах, но будучи хорошими пловцами и имея лодку, не решаются помочь утопающему. В обоих случаях неокзавшие помощи должны согласно точке зрения А. Н. Трайнина нести ответственность по ст. 156 УК. Такое положение приводит к тому, что всякое лицо, являющееся свидетелем опасного для жизни состояния другого лица, специально обязано оказывать ему помощь. При таком понимании специальной обязанности последняя оказывается возложенной на всех, что противоречит закону.

Правильное понимание специальной обязанности имеет решающее практическое значение. В тех республиках, уголовные кодексы которых предусматривают лишь ответственность лиц, специально обязанных заботиться об оставленном, это — вопрос разграничения преступного и непроступного, в остальных республиках — это вопрос квалификации.

Привлекая к ответственности за неисполнение специальной обязанности по оказанию помощи какому-то лицу, суд в приговоре должен указывать источник этой обязанности. Таким путем может быть наиболее полно раскрыто содержание специальной обязанности, что будет способствовать ее лучшему усвоению гражданами.

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 95.

Оставление в опасности выражается или в неоказании помощи, или в поставлении в опасность.

При неоказании помощи обвиняемый не создает для другого опасной ситуации. Правда, иногда опасность порождается случайными действиями обвиняемого, но это ничего не меняет, ибо случайные действия не являются действиями в уголовноправовом смысле и не создают поэтому специальной обязанности заботиться об оставленном. В связи с этим вызывает возражение мнение Верховного суда РСФСР по делу К., осужденного по ст. 156 УК. К. был признан виновным в том, что в пути следования на подводе, когда лошадь неслась галопом, он случайно толкнул своего товарища А., в результате чего последний не удержался и выпал из телеги, получив тяжелые телесные повреждения. Признавая неправильным привлечение К. к ответственности за нанесение А. тяжких телесных повреждений, Верховный суд РСФСР указал, что: «в дальнейших действиях обвиняемого, после происшедшего несчастного случая, имеется социальная опасность..., он не оказал надлежащей помощи потерпевшему, оставив его на дороге на произвол судьбы, а сам уехал»¹. К. случайно толкнул А., это было рефлекторное, инстинктивное телодвижение, не имеющее уголовноправового значения и не создающее поэтому для К. специальной обязанности заботиться об оставленном. Применение к К. ст. 156 УК можно объяснить исключительно тем, что УК РСФСР ограничивает круг лиц, ответственных за оставление в опасности. Неосновательно широкое применение этой статьи отражает стремление восполнить пробел в законе.

Неоказание помощи, следовательно, может иметь место как при полной непричастности к создавшейся опасности, так и при случайной причастности. В обоих случаях поведение обвиняемого выражается в бездействии, невмешательстве, оставлении нуждающегося в помощи без таковой.

При поставлении в опасность последняя создается виновными действиями обвиняемого. Поставление в опасность может быть сознательным (умышленным) или неосторожным. Поставление в опасность — это та-

¹ «Судебная практика Верховного суда РСФСР» 1928 г. № 5, стр. 18.

кое виновное создание опасной для оставленного без помощи обстановки, при которой обвиняемый неосторожно относится к последствиям при условии, что в результате этих действий не наступила смерть потерпевшего. При умышленном поставлении в опасность, повлекшем смерть, в случае неосторожного отношения к последствиям налицо будет неосторожное убийство, в случае же умышленного отношения к последствиям будет иметь место умышленное убийство. Поставление в опасность¹ создает для обвиняемого специальную обязанность заботиться об оставленном. Если при не оказании помощи эта обязанность вытекает из закона, договора или профессии, то при поставлении в опасность она создается предшествующим поведением обвиняемого.

Степень опасности неоказания помощи и поставления в опасность различна. Если в первом случае предшествующее бездействию поведение само по себе не является общественно опасным, то во втором случае оно является таковым. По нашему мнению, было бы целесообразным в уголовных кодексах выделить поставление в опасность в самостоятельный состав или в более тяжкий вид рассматриваемого преступления.

Оставление в опасности выражается в неисполнении обязанности по оказанию кому-то помощи (физической, путем предоставления транспорта, вызова врача и т. д.). В отдельных случаях оставление в опасности может выражаться в неоказании материальной помощи.

Пленум Верховного суда РСФСР в своем постановлении от 11 марта 1929 г. разъяснил, что привлечение к уголовной ответственности за невыдачу содержания лицам, перечисленным в Кодексе законов о браке, семье и опеке, может иметь место в тех случаях, когда эти

¹ Здесь и в дальнейшем мы рассматриваем поставление в опасность как вид оставления в опасности. Следует отметить, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и Уголовный кодекс Узбекской ССР 1926 года рассматривали поставление в опасность в качестве более тяжкого вида преступления. Часть 2 ст. 207 УК Узбекской ССР гласит «Если оставленное без помощи лицо, лишенное возможности самосохранения, и не находилось на попечении оставившего, но последним было поставлено в заведомо опасное для жизни условие». Мера наказания усиливается по сравнению с ч. 1 той же статьи. Действующие уголовные кодексы остальных союзных республик таких указаний не содержат.

лица фактически находятся в беспомощном состоянии и вследствие этого лишены возможности принять меры самосохранения; в этих случаях лица, обязанные доставлять содержание, могут быть привлечены к ответственности по ст. 156 УК, даже и без предварительного рассмотрения дел судом в гражданском порядке, если только установлены все признаки ст. 156 УК¹.

Неполучение материальной помощи, как правило, не ставит лицо в состояние непосредственно угрожающей его жизни опасности. Если, однако, вследствие неполучения такой помощи потерпевший оказывается в состоянии, угрожающем его жизни, виновный подлежит ответственности по ст. 156 УК. Применение указанного разъяснения Пленума к случаям злостного уклонения от платежа алиментов на содержание детей, предусмотренного ст. 158 УК, хотя бы в результате такого уклонения и имели место обстоятельства, отмеченные в этом разъяснении, привело бы к смягчению ответственности даже при наличии отягчающих обстоятельств². Следует отметить, что практика почти не знала, а в настоящее время и вовсе не знает случаев, упоминаемых в разъяснении Пленума Верховного суда РСФСР от 11 марта 1929 г. Их возможность исключается благодаря заботе коллектива и товарищей, приходящих на помощь тем, кто по той или иной причине остался без средств.

¹ Ответственность за оставление в опасности наступает при наличии у обвиняемого возможности оказать помощь. Такая возможность имеется всегда, когда отсутствуют непреодолимые силы, препятствующие действовать, или когда субъект не находился в состоянии крайней необходимости.

Разрешая вопрос о возможности оказания помощи, необходимо установить, что обвиняемый не оказал помощь, хотя он мог и обязан был ее оказать, например, бросить веревку тонущему, доставить раненого в больницу или вызвать к нему врача и т. п. Если какое-то лицо лишено возможности лично оказать помощь, оно обязано призвать к этому других лиц.

¹ См. «Судебная практика Верховного суда РСФСР» 1929 г. № 6, стр. 2.

² См. санкции ст.ст 156 и 158 УК

Отсутствие у определенного лица возможности оказать помощь или призвать к этому других лиц является такой причиной бездействия, которая исключает ответственность. Однако это не означает, что один факт наличия возможности действовать делает неоказание помощи уголовно-наказуемым деянием. Если для спасения погибающего субъект должен был пожертвовать собой, но не сделал этого, он за свое бездействие не может быть привлечен к уголовной ответственности. Законодатель не обязывает под угрозой наказания к самопожертвованию.

От самопожертвования отличается риск. Возникает вопрос, можно ли признать во всех случаях уважительной причиной бездействия нежелание рисковать в какой-либо мере своими интересами.

Буржуазная уголовноправовая доктрина отвечает на этот вопрос положительно. Н. Таганцев отмечал, что для ответственности за неоказание помощи погибающему необходимо, чтобы помощь могла быть оказана без всякой опасности для себя, «...причем, разумеется, вопрос об опасности может быть обсуждаем с точки зрения обвиняемого лица»¹. И. Фойницкий писал: «...нельзя требовать от человека обязательной помощи ближнему, если от того грозит какая-либо опасность его собственным благам»².

Подобные взгляды, выражающие буржуазный индивидуализм и эгоизм, чужды коммунистической морали. А. Я. Вышинский говорил: «В известных условиях, в известной обстановке риск неизбежен и обязателен. Когда речь идет о гибели наших братьев, никто не смеет уклониться от исполнения своего долга, от обязанности прийти находящемуся в опасности на помощь, хотя бы и подвергая опасности и самого себя.

Дело спасения погибающих — это не коммерческое дело, где уместно примерить, взвесить и оценить с точки зрения выгоды окончательных результатов»³. В учебнике Советского уголовного права также указывается,

что «известный риск и опасность, связанные с оказанием помощи, не исключают обязанности ее оказывать»¹. Такое же указание содержит и Курс советского уголовного права².

Вопрос о том, в какой мере лицо должно рисковать своими интересами для спасения погибающего, зависит как от характера лежащей на нем обязанности действовать, так и от его причастности к создавшейся опасности. Наибольшие требования могут предъявляться к лицам, которые в силу своей профессии должны спасать человеческие жизни, а равно к лицам, которые создали опасную для другого человека обстановку.

Последствия оставления в опасности выходят за рамки рассматриваемого состава³. Ответственность наступает уже за сам факт неисполнения обязанности по оказанию помощи независимо от дальнейших последствий.

В этом отношении представляет интерес дело В. При обстоятельствах, исключающих возможность говорить даже о неосторожной вине, В., управляя автомашиной, переехал 15-летнего подростка М., причинив ему смертельные повреждения. Подобрал потерпевшего, В. вместо того, чтобы доставить его в больницу, привез к себе домой, где М. вскоре скончался. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 17 декабря 1947 г. говорится, что несчастный случай наступил по вине самого потерпевшего. Однако как указывается далее в определении: «То обстоятельство, что В. на своей автомашине переехал подростка М., порождало обязанность с его стороны принять необходимые меры к оказанию потерпевшему медицинской помощи. Из страха возможной ответственности за происшедший несчастный случай он нарушил эту лежащую на нем обязанность и не отвез находящегося

¹ «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 218.

² См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 623.

³ Уголовные кодексы Монгольской Народной Республики (ст. 168) и Румынской Народной Республики (ст. 487) рассматривают наступление последствий в результате оставления в опасности в качестве квалифицирующего обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

¹ Н. Таганцев, О преступлениях против жизни по русскому праву, т. II, СПб., 1870, стр. 464

² И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права, часть Особенная, Постыгательства личные и имущественные, изд. 7-ое, Петроград, 1916, стр. 53—54.

³ А. Вышинский, Судебные речи, М., 1948, стр. 206

в опасном для жизни состоянии потерпевшего в больницу». Коллегия признала В. виновным в заведомом оставлении потерпевшего в опасном для жизни состоянии, хотя судебно-медицинская экспертиза установила, что своевременное оказание помощи потерпевшему не смогло бы предотвратить наступление смертельного исхода¹.

То положение, что последствия рассматриваемого состава выходят за его рамки, вовсе не означает, что факт их наступления или ненаступления не имеет никакого значения. Так, смерть оставленного без помощи, хотя и выходит за рамки состава, однако не является безразличной с уголовно-правовой точки зрения. Наступление смерти при оставлении в опасности ставит вопрос о возможности перерастания рассматриваемого состава в более тяжкое преступление.

Для субъективной стороны оставления в опасности большое значение имеет указание на заведомость оставления без помощи.

Указание на заведомое оставление без помощи означает сознание обвиняемым того, что оставленный находится в опасности, непосредственно угрожающей его жизни или здоровью. Отсутствие такого сознания исключает ответственность.

А., работая санитаркой родильного отделения сельской больницы, была признана виновной в том, что, положив новорожденного к горячей печке, оставила его без присмотра и не подходила к нему в течение 40 минут, в результате чего ребенок получил ожоги левой руки и левой ягодицы. Признав себя виновной, А. объяснила,

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» вып. 2, 1948, стр. 17—18. Аргументация коллегии Верховного Суда СССР по данному делу вызывает возражения. Инкриминируя В. оставление потерпевшего в опасности и применяя ст. 156 УК, коллегия исходила из того, что В. обязан был принять меры к оказанию пострадавшему помощи потому, что В. на управляемой им машине переехал подростка. Однако со стороны В. имеется оставление в опасности в форме неоказания помощи, а не поставления в опасность. Поскольку, как это признается коллегией, В. невинно в том, что переехал подростка, постольку с его стороны нет поставления в опасность и из его предшествующих действий не вытекает обязанность заботиться об оставленном. Эта обязанность предусмотрена законом — Типовыми правилами движения на автотранспорте. Так и следовало бы аргументировать обязанность В.

что пеленая ребенка, она обнаружила у него холодные ноги и чтобы согреть его, запеленав, положила около печки, не подумав о том, что он может получить ожоги. Органами прокуратуры преступление А. было квалифицировано по ст. 229 УК БССР (ст. 156 УК РСФСР). Народный суд правильно не согласился с такой квалификацией, исходя из того, что А., ставя кровать с новорожденным у печки, не сознавала, что тем самым создает опасность для его жизни. А. была осуждена по ст. 224 УК БССР (неосторожное телесное повреждение).

По другому делу была привлечена к ответственности Х., которая затопила соломой русскую печь и ушла за водой. Во время ее отсутствия произошел пожар, в результате чего погибли двое детей Х., оставленные в помещении. Верховный Суд СССР признал неправильным осуждение Х. за оставление детей в опасности. «В тот момент, — говорилось в определении коллегии от 2 августа 1942 г., — когда Х. уходила из своего дома, никакого состояния, опасного для жизни ее детей, не было, так как пожар возник после ее ухода. Поэтому не могло быть и заведомого оставления ею без помощи своих детей в таком состоянии»¹.

Заведомость оставления в опасности является необходимым признаком рассматриваемого состава и в тех кодексах, где непосредственное указание на заведомость отсутствует. Это вытекает из того, что для ответственности за оставление в опасности необходимо, чтобы оставший без помощи «имел возможность оказать помощь». Чтобы иметь такую возможность, нужно, по крайней мере, знать, что потерпевший нуждается в помощи, то есть сознавать, в каком состоянии он находится. Игнорирование этого обстоятельства может привести к неправильному применению рассматриваемой нормы.

В этом отношении заслуживает внимания дело К. и С. 21 января 1957 г. К., С. и другие лица, находясь в доме А., в 11 часов вечера послали К. за водкой. По дороге К. встретил своего знакомого Д., который добавил ему денег, при этом К. видел, что у Д. было

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1942-год», М., 1947, стр. 103.

1100 руб. Купив водку, К. и Д. направились в дом А., где вместе с другими распили ее. После этого Б. и Г. вывели на улицу Д., который был сильно пьян, и посадили его на лавочку. Когда Б. и Г. хотели вызвать скорую помощь, чтобы привести Д. в чувство, К. успокоил их, сказав, что он отведет Д. к себе домой. Когда Б. и Г. ушли, К. и С. отвели пьяного Д. к котловану, сняли с него пиджак, забрали 1100 руб., а его, завернув в пальто, оставили лежать на снегу, причем температура воздуха была два градуса мороза. Очнувшись, вероятно, от холода, Д. спустился на дно котлована, запутался в проволоке, упал в воду и на незначительной глубине утонул.

Приговором Минского областного суда от 23 марта 1957 г. К. и С. были осуждены по совокупности преступлений за кражу личного имущества граждан и умышленное убийство. Определением Судебной коллегии Верховного суда БССР от 5 апреля 1957 г. приговор был изменен. Исходя из того, что осужденные «...не желали смерти Д., но не оказали ему помощи в протрезвлении, то есть действовали в этом отношении легкомысленно и неосторожно...», коллегия переквалифицировала действия виновных со ст. 214 (умышленное убийство) на ст. 229 УК БССР (ст. 156 УК РСФСР).

Для наличия рассматриваемого состава преступления было необходимо установить, что обвиняемые, оставляя Д. на улице, сознавали, что его жизни угрожает опасность. Однако в указанном случае в момент оставления потерпевшего после его обрабления никакая опасность его жизни не угрожала. Незначительный мороз не был этой опасностью, и обвиняемые не предвидели, что Д. может замерзнуть. То обстоятельство, что потерпевший, проснувшись, пошел не по тропинке, имевшейся там, а на дно котлована, не могло быть учтено обвиняемыми. Тем более они не могли полагать, что Д. запутается в проволоке, упадет в воду и на незначительной глубине утонет. В определении коллегии правильно указывается, что «в деле нет никаких данных о том, что К. и С. сознательно допускали, что Д. встанет и пойдет не по тропинке на выход из котлована, а во внутрь котлована, попадет в воду, зацепится обязательно за проволоку и утонет». Следовательно,

в данном случае отсутствовало сознание опасности, угрожающей жизни оставленного.

Отсутствие сознания опасности или непредвидение возможности ее наступления в будущем, являющееся следствием недостаточной осмотрительности, невнимательности, небрежности, заслуживают сурового морального порицания. В отношении же должностных лиц, обязанных в силу своего служебного положения проявлять заботу о других, подобное поведение может рассматриваться как должностная халатность. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 21 января 1949 г. признал наличие должностной халатности в поведении Ш. Последняя, будучи дежурным фельдшером и отправив в больницу снятую с поезда больную Б., не позаботилась о ее двух малолетних детях, удалив их с медпункта, расположенного в помещении вокзала. Впоследствии дети Б. оказались в Вильнюсе, где один из них умер в больнице. Удалив детей из помещения медпункта, Ш. не предвидела, но могла предвидеть, что дети, будучи без присмотра, могут оказаться в опасном для их жизни состоянии¹.

Ответственность за оставление в опасности должна наступать независимо от того, что именно думал бездействующий о своей обязанности. Достаточно того, чтобы он понимал, что жизни другого лица угрожает опасность, и имел возможность ее отворотить. Народный суд Краснопресненского района Москвы приговором от 23 июня 1954 г. правильно осудил врача Ф. за неоказание медицинской помощи тяжело больному. Суд признал несостоятельной ссылку Ф. на то, что она якобы обязана лечить больных лишь в пределах вверенной ей поликлиники и что оказание помощи пострадавшим на улице — дело врачей скорой помощи².

Специального рассмотрения заслуживает вопрос об ограничении состава оставления в опасности от других преступлений.

Оставление в опасности и убийство. В нашей литературе весьма распространено мнение, что предвидение и желание смерти (умысел в отношении

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 3, стр. 5—8

² См. «Литературная газета» 29 мая 1954 г. и 3 июля 1954 г.

последствий) при оставлении в опасности свидетельствует о наличии состава умышленного убийства¹. По нашему мнению, данный вопрос решается следующим образом. Речь об умышленном убийстве может идти лишь при наличии поставления в опасность, но не при неоказании помощи. Если виновный не оказывает кому-то помощи, предвидя неизбежность или возможность его гибели, просто оставляет потерпевшего в опасности, то сам по себе факт предвидения указанных последствий не дает оснований отождествлять рассматриваемый состав с убийством. Предвидение последствий и, в частности смерти потерпевшего, является необходимым признаком оставления в опасности. Другое дело, когда умысел в отношении последствий, то есть предвидение и желание или допущение наступления смерти, налично при совершении действий, которыми создается опасная ситуация для кого-то.

При неоказании помощи такие действия обвиняемым не совершаются. Поэтому при неоказании помощи (в результате чего последовала смерть потерпевшего) обвиняемый, будучи не причастным к создавшейся опасности, не может быть признан виновным в убийстве. Например, А., который легко мог, но не оказал помощи тонущей женщине, желая по каким-либо причинам ее гибели и сознавший в этом, не может быть привлечен к ответственности за убийство. Иначе бы рамки состава, предусмотренного ст. 156 УК, необоснованно суживались бы.

¹ Авторы учебника уголовного права пишут: «Умысел субъекта заключает в себе сознание, что данное лицо остается в опасном для жизни состоянии, и, желание его оставить в этом состоянии или сознательное допущение этого. В тех случаях, когда у субъекта преступления с несомненностью будет установлен умысел, направленный на лишение таким образом потерпевшего жизни, совершенное можно рассматривать как покушение на убийство. Если лишение жизни потерпевшего последовало, содеянное следует рассматривать как оконченное убийство» («Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 218)

Аналогичное положение содержится и в Курсе уголовного права (А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 623). Того же мнения придерживался и автор статьи «Общее понятие преступлений оставления в состоянии опасности» («Ученые записки БГУ», вып. 34, серия юридических наук, Минск, 1957, стр. 29).

При неоказании помощи отсутствуют объективные и субъективные основания ответственности за убийство. При поставлении же в опасность — в результате чего последовала смерть потерпевшего — имеются объективные основания ответственности за убийство: опасная ситуация создана действиями обвиняемого. Если к тому же при создании опасности виновный предвидел и желал или сознательно допускал возможность смерти оставленного, то имеет место умышленное убийство.

В случаях же наличия неосторожной вины в отношении смерти потерпевшего при создании опасности обвиняемый несет ответственность за неосторожное убийство.

Одним из видов поставления в опасность судебная практика считает подкидывание детей. Верховный суд РСФСР в постановлении от 16 мая 1927 г. указал, что «...подкидывание детей, в том числе и на территории детских домов, является действием, подлежащим квалификации по ст. 156 УК»¹.

В большинстве случаев подкидывание детей совершается, выражаясь словами С. Познышева, «с умыслом отделаться от ребенка, а не с умыслом лишить его жизни»². В последнем случае имеет место убийство или покушение на убийство. О направленности умысла виновного судят преимущественно по тому, куда, в какое время (зимой, летом, ночью, днем), в какое место и в каком состоянии ребенок подкинут и, следовательно, какова была вероятность его спасения и насколько быстро после оставления он мог быть подобран.

10 ноября 1954 г. приговором народного суда В. была осуждена по ст. ст. 22—214 УК БССР (покушение на умышленное убийство). В., приехав с новорожденным ребенком на станцию Заготье, сошла с поезда и подкинула ребенка в 30 м от стрелки, в кустарнике, вблизи проходящей тропы, а сама ушла к родителям, проживающим в деревне. Через некоторое время один из работников железной дороги, проходя около стрелки, услышал плач ребенка и подобрал его. Верховный суд

¹ «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», изд. 2-е, М., 1931, стр. 448.

² С. В. Познышев, Особенная часть русского уголовного права, М., 1905, стр. 73.

БССР определением от 10 мая 1955 г. переквалифицировал преступление В. на ст. 229 УК БССР (ст. 156 УК РСФСР). Верховный суд БССР поступил правильно, так как обстоятельства дела не свидетельствовали об умысле осужденной на лишение ребенка жизни. Если у нее был такой умысел, то она имела полную возможность занести ребенка в глубь леса и там оставить. Обстоятельства дела свидетельствуют об умысле виновной «отделаться» от ребенка, но не лишить его жизни.

Подкидывание ребенка с умыслом «отделаться» от него как преступление имеет свою специфику. Создание опасности, угрожающей жизни ребенка, в этом случае вовсе не обязательно. Когда мать или другое лицо подкидывает ребенка на территории детского дома, детского сада, яслей, где его немедленно могут подобрать, нет создания опасности для его жизни. При таких обстоятельствах у виновного в подкидывании отсутствует сознание опасности, угрожающей ребенку, и, напротив, имеется сознание отсутствия опасности, основанное на уверенности в том, что ребенок будет подобран. Иногда, подкинув ребенка, мать прячется в укрытие и, убедившись в безопасности своего ребенка, уходит.

Следовательно, создание опасности, необходимое при поставлении в опасность, и сознание опасности, необходимое при оставлении в состоянии опасности вообще, не всегда присущи подкидыванию детей. Квалификация подкидывания детей по статье, предусматривающей оставление в опасности, применяемая в судебной практике, является следствием отсутствия в законодательстве специальной нормы. Однако, учитывая специфику состава подкидывания детей без умысла на лишение их жизни, представляется целесообразным выделение этого преступления в самостоятельный состав¹.

¹ Уголовный кодекс Чехословацкой Республики (§ 209) оставление беспомощного ребенка выделяет в самостоятельный состав преступления. Наказание лишение свободы на срок от одного до пяти лет. Если вследствие оставления беспомощного ребенка наступила смерть или причинен тяжкий вред его здоровью, наказание повышается на срок от двух до десяти лет.

Глава II

НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ НА ВОДНОМ ПУТИ¹

Правовая обязанность оказания помощи на море предусмотрена рядом международных конвенций. Необходимость их принятия вызвана международным характером основных морских путей и особым значением взаимопомощи на водном пути.

Основное требование международных конвенций, сформулированное в действующей конвенции от 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море»², гласит: «каждый капитан обязан, насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров, оказать помощь всякому лицу, даже враждебному, встреченному в море и находящемуся в опасности погибнуть» (ст. 11). Ст. 12 этой

¹ Некоторые авторы относят не оказание помощи на водном пути к преступлениям, нарушающим работу транспорта, считая, что данное преступление посягает на нормальную деятельность транспорта (см., например, Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Л., 1957, стр. 29). Не оказание помощи на водном пути по существу ничем не отличается от не оказания помощи в иной обстановке. Бездействие капитана судна, не принявшего мер к спасению погибающих на водном пути, не нарушает правильной работы морского и речного транспорта, за исключением тех случаев, когда оказание помощи входило в обязанность экипажа. Лишь в этом последнем случае имеет место нарушение трудовой дисциплины на транспорте, а не преступление, предусмотренное ст. 156¹ УК.

² Конвенция заключена между Германией, Аргентиной, Австро-Венгрией, Бельгией, Бразилией, Чили, Кубой, Данией, Испанией, США, Францией, Великобританией, Ирландией, Грецией, Италией, Японией, Мексикой, Никарагуа, Норвегией, Нидерландами, Португалией, Румынией, Россией, Швецией и Уругваем в Брюсселе.

конвенции определяет, что «высокие договаривающиеся стороны, законодательства коих не карают за нарушение предшествующей статьи, обязываются принять или предложить своим подлежащим законодательным учреждениям надлежащие меры к тому, чтобы это нарушение было наказуемо».

В последующее время аналогичные конвенции принимались в 1914, 1929 и 1948 гг.¹ Все они в части, определяющей упоминаемую обязанность капитана судна, отсылают к ст. 11 конвенции от 23 сентября 1910 г. Так, в конвенции от 10 июня 1948 г. определяется, что «капитан судна, находящегося в море, по получении сигнала о том, что судно или самолет, или какое-либо спасшееся пловучее средство находится в состоянии бедствия, обязан со всей возможной скоростью следовать на помощь людям, терпящим бедствие, сообщив по возможности им об этом». Приведенное правило, однако, не определяет, в каких случаях капитан судна, пришедшего к месту бедствия, обязан оказать помощь, но указывает, что сохраняет силу ст. 11 конвенции 1910 года.

В соответствии с упомянутыми нормами международного права юридическая обязанность оказания помощи на водном пути наступает в тех случаях, когда нет серьезной опасности для своего судна, своих пассажиров и своего экипажа. Следует отметить, что экипажи советских судов, как правило, даже рискуя своей жизнью, приходят на помощь терпящим бедствие не только в пределах своей территории, но и в открытом море. Тем не менее в СССР с целью «более точно и четко отразить содержание конвенции в нормах уголовного права»² постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1929 г. был введен следующий состав преступления: неоказание помощи капитаном судна людям, гибнущим на море или на ином водном пути, если эта помощь могла быть

оказана без серьезной опасности для судна, экипажа и пассажиров (ст. 156¹ УК).

Эта норма определяет ответственность за неоказание помощи «людям, гибнущим на море или на ином водном пути». Не имеет значения, в силу каких обстоятельств потерпевший оказался в беспомощном состоянии: крушение судна, воздушная катастрофа, сильный шторм, отсутствие пресной воды и т. д. Равно также не имеет значения, находится ли потерпевший на еще плавающем судне, спасается на каком-либо предмете или лишен этого.

Потерпевший может быть как соотечественником, так и иностранцем. Ст. 11 конвенции от 23 сентября 1910 г. обязывает оказывать помощь «всякому лицу, даже враждебному». Ст. 18 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море» указывает, что стороны, находящиеся в конфликте, «после каждого боя... немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать потерпевших кораблекрушение...». Участники Женевской конвенции приняли на себя обязательство об уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении конвенции (ст. 50). Аналогичные нормы содержала 10-я Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1906 года».

Империалистические державы во время первой мировой войны в нарушение конвенции и элементарных норм гуманности нередко расстреливали спасающихся после потопления судна матросов и пассажиров. Так, немецкие подводные лодки потопили пассажирский корабль «Лузитания», не приняв мер для спасения пассажиров. 27 июня 1918 г. немецкая подводная лодка № 86 торпедировала и потопила английское госпитальное судно «Ландовери Кэстль». С торпедированного судна было спасено 19 спасательных шлюпок, из которых 18 было потоплено. Погибло 234 человека. Англичане нередко платили своему противнику тем же. Например, после потопления в феврале 1916 года немецкого крейсера «Грейер» английским крейсером «Комус», моряки последнего безжалостно расстреляли спасавшихся на шлюпках моряков «Грейера». 29 апреля 1917 г. были потоплены немецкие подводные лодки «Д-42» и «Д-85».

¹ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море от 10 июня 1948 г. разработана в Лондоне. До 10 августа 1954 г. к ней присоединилось 35 государств. Постановление Совета Министров СССР о присоединении СССР к конвенции принято 19 апреля 1954 г. и в соответствии с предусмотренными конвенцией правилами вступило в силу для СССР с 10 августа 1954 г. (см. «Международные конвенции по охране человеческой жизни на море», изд. «Морской транспорт», 1955).

² «История советского уголовного права», М., 1948, стр. 384.

С британских кораблей по немецким морьякам, барахтающимся в воде, был открыт огонь¹. Между тем как Германия, так и Великобритания были участниками Гаагской конвенции от 18 октября 1906 г. и Брюссельской конвенции от 23 сентября 1910 г.

Во время второй мировой войны уничтожение экипажей потопленных кораблей противника было возведено немецкими фашистами в обязанность моряков 17 сентября 1942 г. был издан приказ: «Не следует делать никаких попыток спасти членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд». На Нюрнбергском процессе отмечалось, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих, хотя бы и торговых судов. Главный морской штаб гитлеровской Германии утвердил приказ 17 сентября 1942 г. об уничтожении оставшихся в живых членов команд потопленных судов².

Немецко-фашистские преступники, как известно, понесли ответственность за свои злодеяния.

С объективной стороны рассматриваемый состав преступления выражается в неоказании помощи «на море или ином водном пути». При неоказании помощи бездействовавший не причастен к создавшейся для потерпевшего опасности. Из анализа ст. ст. 156 и 156¹ УК можно сделать вывод, что при поставлении в опасность на водном пути должна применяться ст. 156 УК, так как ст. 156¹ УК предусматривает лишь неоказание помощи. Однако в связи с тем, что санкция ст. 156¹ УК значительно строже санкции ст. 156 УК, применение последней при поставлении в опасность капитаном судна людей на водном пути может привести к тому, что более общественно опасное поведение, каким является поставление в опасность по сравнению с неоказанием помощи, повлечет менее тяжкое наказание.

Бездействие капитана судна выражается в неоказании помощи терпящим бедствие. Ст. 63 Кодекса торгового мореплавания СССР 1929 года обязывает капитана судна оказать потерпевшим «всякую возможную по

обстоятельствам помощь». В одном случае необходимо подобрать тонущих и взять их на свое судно, в другом — достаточно снабдить плавающее судно пресной водой, указать направление движения, помочь ликвидировать пожар, взять на буксир и т. п.

При столкновении судов капитан одного из столкнувшихся судов, помимо спасения людей, должен также принять меры к спасению другого судна. Бездействие в этом случае влечет ответственность по правилам о совокупности преступлений: по ст. 156¹ и ст. 176 УК. Последняя гласит: «Непринятие должных мер капитаном одного из столкнувшихся на море судов для спасения другого судна, поскольку эти меры могли быть приняты без серьезной опасности для своих пассажиров, экипажа и судна, независимо от ответственности за неподачу помощи экипажу и пассажирам терпящего бедствие судна» (ст. 156¹), — лишение свободы или исправительные работы на срок до одного года или штраф до пятисот рублей. Если столкновение судов явится следствием нарушения правил движения на транспорте, то ответственность наступает еще и по ст. 59^{3б} УК. В случаях, когда судно не находится на месте бедствия, с получением сигнала о бедствии оно должно немедленно поспешить на помощь. Запоздалая без уважительной причины помощь, хотя и принесшая определенную пользу, не исключает уголовной ответственности. Так, в июне 1939 года на реке Каме поднявшейся бурей перевернуло ялик с пассажирами. Об этом стало известно капитану речного трамвая, который не поспешил на помощь тонущим. Лишь по настоянию своих пассажиров с большим опозданием капитан распорядился последовать к месту бедствия и бросить спасательные круги и шары. Удалось спасти 6 человек. Остальные 5 человек погибли. Виновный был осужден по ст. 156¹ УК.

Ответственность за неоказание помощи наступает, если помощь могла быть оказана «без серьезной опасности для своего судна, экипажа и пассажиров». Уголовный закон, как уже отмечалось, не требует и не может требовать самопожертвования при спасении терпящих бедствие. Если спасение требовало принесения в жертву жизни члена экипажа или пассажира своего судна, то уголовная ответственность за неоказание помощи исключается. Однако одно лишь опасение возможных по-

¹ См. П. Ромашкин, Военные преступления империализма, М., 1953, стр. 95, 202

² См. «Нюрнбергский процесс», изд. 2-е, т. 2, 1954, стр. 551—552.

следствий, лишенное серьезных оснований, не оправдывает бездействия. Не считается серьезной опасностью какой бы то ни было имущественный ущерб. Угроза судну такими повреждениями, в результате которых оно все же способно дойти со спасенными до ближайшего порта, также не может рассматриваться как оправдывающее обстоятельство. Ст. 116 Кодекса торгового мореплавания СССР указывает, что перевозчик не отвечает за утрату, повреждение или задержку груза, если это имело место вследствие спасения человеческих жизней. Ст. 165 того же кодекса указывает, что «спасенные люди не обязаны уплачивать вознаграждение за свое спасение». В условиях капиталистического общества действуют противоположные правила¹.

Неоказание помощи людям, терпящим бедствие на море, как преступление против личности, граничит с составом преступления — нарушение трудовой дисциплины на транспорте.

Неоказание помощи вызывает ответственность как за нарушение трудовой дисциплины на транспорте, если забота о потерпевшем составляла трудовую обязанность капитана и экипажа судна. В частности, ответственность наступает по ст. 59³⁶ УК, если не была оказана помощь терпящим бедствие на буксируемом, сопровождаемом или охраняемом в пути следования судне или когда капитану судна в порядке подчиненности было приказано оказать помощь потерпевшим. Примером неоказания помощи на водном пути, квалифицируемым как нарушение трудовой дисциплины на транспорте, является дело о гибели парохода «Советский Азербайджан»². По этому делу были осуждены по ст. 79³ УК Азербайджанской ССР (ст. 59³⁶ УК РСФСР) капитан и другие члены команды парохода «Совет», которые, обрубив буксир, оставили на произвол стихии загоревшийся пароход.

Ответственность по ст. 59³⁶ УК наступает и тогда, когда помощь не была оказана члену своего экипажа или пассажиру данного судна, которые по каким-либо причинам оказались за бортом. В этом случае забота

¹ См. Г. Л. Шмигельский. Спасение на море по советскому праву, 1952, стр. 10 и др.

² См. А. Вышинский, Судебные речи, М., 1948 (речь по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан»).

о потерпевшем также составляет трудовую обязанность экипажа.

С субъективной стороны необходимо сознание капитаном судна опасности, угрожающей потерпевшему. Вина в данном случае может быть только умышленной. Если капитан судна не знает об опасности, угрожающей кому-либо на водном пути, то от него нельзя требовать и принятия мер к спасению погибающего. Капитан судна несет ответственность лишь в том случае, когда он сознавал, что кому-либо на водном пути угрожает опасность, и, несмотря на это, имея возможность оказать помощь, бездействовал.

Субъектом рассматриваемого преступления является капитан судна, не оказавший помощь. При этом имеется в виду не должность, а исполняемые обязанности. Поэтому капитан судна, не находившийся на судне в момент неоказания помощи, не будет нести ответственность. Последнюю несет член экипажа, заменяющий капитана и выполняющий его обязанности. Так, по ст. 156¹ УК был осужден помощник капитана Б, который в июне 1933 года, возглавляя пароход «Ванцетти», не оказал своевременной помощи пассажирам затонувшего недалеко от Ярославля баркаса «Четвертый».

Остальные члены экипажа не могут быть привлечены к ответственности по ст. 156¹ УК. Такое положение объясняется тем, что в законе прямо указывается субъект преступления — капитан. Отсюда вовсе не следует, что члены экипажа, не оказавшие помощи потерпевшему на водном пути, не несут ответственности. Член экипажа, не исполнивший приказа капитана об участии в спасении терпящих бедствие, тем самым нарушает трудовую дисциплину и привлекается к ответственности по ст. 59³⁶ УК. В остальных случаях член экипажа, имевший возможность оказать помощь терпящим бедствие и не оказавший ее, подлежит ответственности по статье о неоказании помощи лицом, специально не обязанным заботиться о потерпевшем, если такая норма имеется в кодексе той республики, на территории которой имело место подобное бездействие.

В советской литературе высказывалось мнение о возможности применения ст. 156¹ УК к другим лицам, кроме капитана судна, в частности, к ответственному лицу на спортивном судне, не оказавшему помощи гибну-

щему члену спортивной команды¹. Как уже отмечалось, факт установления законодателем специального субъекта исключает возможность привлечения по этой статье всех иных лиц, лишенных признаков указанного специального субъекта². К тому же неоказание помощи ответственным лицом на спортивном судне члену спортивной команды охватывается рамками ст. 156 УК; такое лицо в силу исполняемых им функций специально обязано заботиться о потерпевшем члене команды.

¹ См Н С Алексеев, Транспортные преступления, Л, 1957, стр. 138

² См «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 год», М, 1948, стр. 34

Глава III

НЕОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В социалистических государствах осуществляется истинная забота о благосостоянии и здоровье трудящихся. В СССР ежегодно увеличивается количество медицинского персонала. В 1957 году в СССР на каждые 10 тыс. человек населения приходилось 16,9 врачей, то есть 1 врач на 588 человек. В других странах на 10 тыс. человек приходилось врачей: в США — 12,7 (1954 год), в Англии — 8,8 (1951 год), во Франции — 9,0 (1954 год); в Италии — 12,3 (1951 год), в Японии — 10,1 (1954 год), в ФРГ — 13,5 (1955 год)¹. Наша страна занимает первое место в мире по обеспеченности населения медицинской помощью.

Исключительную роль в оказании срочной медицинской помощи играют пункты скорой помощи, сеть которых растет из года в год. В систему скорой медицинской помощи прочно вошла санитарная авиация.

Советские врачи своей самоотверженной работой завоевали авторитет у населения. Однако еще не изжиты отдельные случаи бездушного, черствого отношения к больным. Именно поэтому в настоящее время и сохранена норма об ответственности за уклонение от оказания медицинской помощи.

Статья 157 УК говорит об ответственности за «неоказание помощи больному без уважительных причин со стороны лица, обязанного ее оказать по закону или по

¹ «Достижения советской власти за 40 лет в цифрах», М, 1957, стр. 348.

специальному правилу» (ч. 1) и за «отказ лица, занимающегося медицинской практикой, от оказания медицинской помощи, если таковой заведомо мог иметь опасные для больного последствия» (ч. 2)¹.

Будучи бланкетной нормой, ст. 157 УК не содержит ответа на основной вопрос: в каких случаях не оказание помощи больному вызывает уголовную ответственность. Для этого необходимо обратиться к уже упомянутым постановлению ЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. и инструкции от 11 марта 1926 г.

Статья 8 постановления от 1 декабря 1924 г. определяет, что «всякий медицинский работник, занимающийся практической лечебной деятельностью, обязан в случаях, требующих скорой медицинской помощи, оказывать первую медицинскую помощь согласно инструкции...». Инструкция от 11 марта 1926 г., принятая в развитие приведенной ст. 8, к случаям, требующим оказания первой неотложной помощи, относит: «Тяжелые травматические повреждения, отравления, внезапные заболевания, угрожающие опасностью для жизни» (ст. 1). Инструкция конкретизирует, кто и в каких случаях обязан оказывать первую неотложную помощь: если больной доставлен в лечебное учреждение — медперсонал этого учреждения; если больной находится дома — станция скорой помощи или, при отсутствии таковой, медперсонал ближайшего лечебного учреждения, а при невозможности и этого — находящийся в районе медперсонал; если больной находится вне дома и лечебного учреждения (на улице, в театре и т. д.) — каждый присутствующий на месте происшествия медработник, а также медперсонал, упомянутый выше.

Статья 157 УК говорит о не оказании помощи больному. Как видно из инструкции от 11 марта 1926 г.,

¹ В самостоятельный состав преступления не оказание медицинской помощи выделяют Уголовные кодексы Народной Республики Албании (ст. 163), Народной Республики Болгарии (ст. 152), Монгольской Народной Республики (ст. 169), Корейской Народно-Демократической Республики (ст. 135) Уголовный кодекс Чехословацкой Республики говорит об ответственности за не оказание помощи лицу, жизни которого угрожает опасность, если виновный «по характеру своей профессии обязан был оказать помощь» (п. 2 § 227).

больным, не оказание помощи которому влечет за собой уголовную ответственность, является не любое лицо, которое нуждается в той или иной помощи, а лишь лицо, которое нуждается в первой неотложной помощи в связи с тяжелым травматическим повреждением, отравлением или внезапным заболеванием, опасным для жизни. Причина внезапного заболевания и тем более диагноз (патологические роды, кровотечение, инфаркт миокарда и т. д.) значения не имеют. Важно, что жизни больного угрожает опасность. Если оставленным без помощи является больной или раненый военнопленный, то ответственность за не оказание ему помощи на территории лагеря для военнопленных наступает как за воинское преступление.

Не охватываются рамками ст. 157 УК и не влекут поэтому уголовной ответственности случаи не оказания помощи больному, когда опасность угрожает не жизни, а здоровью потерпевшего. Если же уклонение от оказания медицинской помощи исходило от медицинского работника, являющегося должностным лицом, имело место в служебное время и было неоднократным или повлекло за собой действительный вред здоровью, ответственность может наступить за должностную халатность.

Не оказание помощи больному, здоровью которого угрожает опасность, является серьезным нарушением профессионального долга. Однако законодатель не считает такое нарушение настолько общественно опасным, чтобы применять уголовную санкцию.

С объективной стороны рассматриваемое преступление состоит в не оказании без уважительной причины помощи больному. С точки зрения действующего законодательства, не оказание помощи больному может выражаться как в не оказании медицинской (лечебной) помощи, так и в непредоставлении непосредственно нелечебной помощи.

Не оказание медицинской помощи может выражаться:

а) в неявке к больному по вызову, приглашению или по собственной инициативе (последний случай возможен, если медработнику известно о том, что в его помощи нуждаются, но почему-либо лишены возможности его пригласить). Обязанность медработника оказать больному помощь является не только его профессиональной

особенностью, но и правовой¹. Ответственность за не оказание помощи не исключается, если вместо личной явки к больному врач по телефону или через третьих лиц передаст указания о том, что следует предпринять. Без осмотра больного такие распоряжения не могут быть эффективными и могут даже оказаться вредными. Так, приговором народного суда 2-го участка Слуцкого района Минской области от 31 мая 1954 г. была осуждена дежурный врач скорой помощи Е., которая не выехала к тяжело больному Р. Е. не выехала и по вторичному вызову, ответив по телефону, какие меры помощи следует оказать;

б) в отказе принять больного в лечебное учреждение, куда он доставлен или явился сам²;

в) в неоказании помощи больному, находящемуся в лечебном учреждении. Так, К., будучи дежурным врачом скорой помощи, не выполнил распоряжения заместителя главного врача проследить за состоянием здоровья больного Вовы Кулинич (у Кулинича были симптомы кишечной непроходимости) и в случае необходимости отправить его в хирургическое отделение. К. в течение ночи не следил за ребенком, а утром доложил главному врачу об удовлетворительном состоянии больного. Другой врач, принявший дежурство от К., нашел ребенка в тяжелом состоянии и немедленно отправил его в хирургическое отделение. Вследствие запоздалого хирургического вмешательства ребенок умер³;

г) в невызове специалиста медработником, который явился к больному, но оказался некомпетентным из-за недостатка знаний или по другим причинам⁴;

¹ В ст. 3 инструкции от 11 марта 1926 г. указывается, что «первая неотложная помощь общего характера, не требующая специальных знаний, приемов, приспособлений и инструментов, должна оказываться каждым медработником... в пределах компетенции соответственно профессиональной группе медработника».

² Статья 2 этой же инструкции указывает, что: «Первая неотложная медицинская помощь внезапно заболевшим и пострадавшим от несчастных случаев должна оказываться всеми лечебными учреждениями...».

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 18—19.

⁴ Статья 4 инструкции 11 марта 1926 г. указывает, что: «В случаях, требующих неотложного вмешательства специалиста, отсутствующего в данный момент в лечебном учреждении, дежурный персонал обязан принять необходимые меры к вызову его во всякое

д) сам по себе один только факт явки к больному или принятие его в лечебное учреждение еще не свидетельствует об исполнении медработником своего долга. Оказанию медицинской помощи предшествует постановка диагноза, без которого нельзя определить, в какой именно помощи больной нуждается. Постановке диагноза, в свою очередь, предшествует осмотр больного, а в необходимых случаях дополнительные исследования (рентгеноскопия, лабораторные исследования и т. д.). Если врач, не осматривая больного, свидетельствует, что он не нуждается в помощи или ставит такой диагноз, при котором медицинской помощи не требуется, то такой врач должен нести ответственность за неоказание медицинской помощи. Постановка подобного «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи равнозначна отказу от оказания помощи. Примером подобного уклонения может служить дело фельдшера М.

В марте 1936 года на медпункт был доставлен лесоруб Д., который во время работы на лесном участке получил тяжелую травму и потерял сознание. Фельдшер М., не осмотрев больного, заявил, что Д. пьян, и отправил его в районную больницу. По дороге Д. умер. В судебной практике Верховного Суда СССР подобное уклонение от оказания медицинской помощи рассматривается как должностное преступление¹, с чем нельзя согласиться. Разница между неявкой к больному и неоказанием помощи при явке к нему заключается лишь в том,

время». Ст. 6 этой же инструкции указывает, что: «В случаях, когда вызванный к больному медработник не может по роду своей специальности, недостатку знаний или по другим причинам оказать неотложную помощь, он обязан дать больному или окружающим его соответствующие указания по вопросу о вызове другого медработника или транспортирования заболевшего... в лечебное учреждение». Постановление ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. указывает: «В случае затянувшихся или ненормальных родов, акушерки обязаны приглашать врача или направлять роженицу в родовспомогательное заведение» (ст. 31).

¹ См. определение коллегии Верховного Суда СССР от 17 декабря 1955 г. по делу врача З. Работая дежурным врачом скорой помощи и явившись по вызову на квартиру к больному О., З. не оказала ему никакой помощи, не измерила температуру, не выслушала и уехала, в журнале регистрации она записала, что помощи не требовалось. В действительности у О. было прободение двенадцатиперстной кишки. Из-за несвоевременной госпитализации О. умер от гнойного перитонита. (См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 11—12).

что в первом случае уклонение носит открытый характер, а во втором — завуалированный. Тем не менее в обоих случаях имеет место неоказание медицинской помощи лицами, обязанными ее оказывать. Следует, кроме того, отметить, что не все медработники, призванные оказывать медицинскую помощь, являются должностными лицами.

Постановку «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи не следует смешивать с ошибкой в диагнозе, вызванной недостатком знаний или неосторожностью (врачебная ошибка).

Неоказание непосредственно нелечебной помощи может выражаться: а) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой своего помещения для подачи первой неотложной помощи и временного пребывания больного до его отправления в надлежащее лечебное учреждение; б) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой необходимых для оказания первой неотложной помощи медикаментов; в) в несообщении аптекой гражданину по поводу внезапного заболевания или несчастного случая сведений об имеющихся в данном районе лечебных учреждениях и медицинских работниках; г) в воспрепятствовании использования телефона для вызова скорой помощи или медицинского работника. Перечисленные обязанности лечебных учреждений и аптек предусмотрены ст. ст. 7—10 инструкции от 11 марта 1926 г. Нарушение этих обязанностей инструкция рассматривает как неоказание помощи больному, влекущее уголовную ответственность. Учитывая, что в практике подобные случаи уже не имеют места, а также то, что общественная опасность подобных действий незначительна, представляется целесообразным исключить из инструкции указания на уголовную ответственность за такие нарушения, заменив ее дисциплинарной ответственностью.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК, необходимо, чтобы неоказание помощи больному имело место без уважительной причины. Вопрос о том, является ли данная причина уважительной, в каждом отдельном случае решается судом. Уважительной причиной является, например, состояние крайней необходимости. Так, Верховный суд РСФСР признал неправильным осуждение врача Я. за неоказание помощи роженице,

к которой он был вызван в то время, когда оперировал больную сибирской язвой. Естественно, что бросить операцию Я. отказался, сказав, чтобы больную привезли в больницу. Попытки пригласить другого врача не увенчались успехом. Когда, наконец, роженицу привезли в больницу, Я. тотчас же явился к ней и вынул уже мертвого ребенка. У больной уже были признаки заражения¹.

По делу врача Л. Верховный Суд СССР признал уважительной причиной отказ Л. явиться в первую очередь к далеко проживающему больному из-за непредоставления ему транспортных средств при наличии одновременных вызовов к нескольким другим не менее тяжело больным, обслуживание которых также входило в его обязанности².

Уважительной причиной является также непреодолимая сила, в том числе болезнь самого медицинского работника, его некомпетентность при условии, что он отдал соответствующие распоряжения о вызове специалиста.

Не является уважительной причиной неоказания помощи больному обращение к медицинскому работнику после установленного для него времени приема больных, или во время его нахождения в отпуске, на отдыхе, на семейном вечере и т. п.³. Так, приговором народного суда Сталинского района Брестской области от 3 ноября 1955 г. осужден по п. «б» ст. 231 УК БССР фельдшер К., не оказавший помощь привезенному к нему Л. К., зная, что Л. тяжело ранен во время охоты и что его отказ может повлечь тяжелые для больного последствия,

¹ «Судебная практика РСФСР» 1931 г. № 5, стр. 15

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1938—1939 гг.», М., стр. 103

³ «Заболевшего человека нельзя оставлять без помощи. Если предоставить врачам право отказываться от приглашения, то в нужную минуту невозможно будет добыть врача. У меня в смертельной опасности близкий, дорогой мне человек. Я еду за врачом. Он выходит ко мне в прихожую, пережевывая бифштекс, и хладнокровно заявляет: «Я сейчас ужинаю, а после ужина лягу спать; ехать поздно, поищите другого врача». В другом месте мне отвечают, что врача нет дома, в третьем — что он играет в карты и не расположен ехать. Пока я рыскал по городу в поисках за врачом, больной умер, а мог бы быть спасен. Разве не врачи виноваты в его смерти, и разве не заслуживают они тюрьмы?» (В. Вересаев, Соч., т. 1, 1948, стр. 645)

отказался тем не менее оказать Л. помощь. Свое бездействие К. объяснил тем, что у него был выходной день.

Первую неотложную помощь больному, жизни которого угрожает опасность, медицинский работник обязан оказать в любое время. Это его не только профессиональная, но и правовая обязанность¹.

В нашей литературе имели место попытки ограничить ответственность врачей за неоказание помощи больному путем расширения понятия уважительной причины. Так, проф. Рожановский писал: «...при привлечении врачей к уголовной ответственности должны быть принимаемы во внимание... права ежедневного и еженедельного отдыха, периодических отпусков, наконец, право часть времени уделять своим личным интересам»². Подобные взгляды противоречат этике врача вообще и советского врача в особенности. Поэтому они не встретили поддержки со стороны медицинской общественности.

Обязанность врача оказывать медицинскую помощь во время нахождения в отпуске и т. п. не является безусловной. Врач, к которому обратились во внеслужебное время, может посоветовать больному обратиться в ближайшую больницу или другое лечебное учреждение. Такой совет уместен, если есть возможность следовать ему и если необходимое для этого время не может повлиять на ухудшение состояния больного. Если же помощь со стороны данного врача является незаменимой или когда обращение к другому врачу связано с потерей времени, что может оказаться опасным для больного, то

¹ Иногда существует неправильное представление об этой обязанности медицинского работника, о чем свидетельствует опубликованная в «Комсомольской правде» от 15 декабря 1956 г. статья «Чиновник в белом халате». К фельдшеру Ч. привезли механизатора, получившего тяжелую травму во время работы у трактора. Ч. отказалась оказать ему какую-либо помощь, сославшись на то, что она находится в отпуске. Пока товарищи пострадавшего доставили его в больницу, он умер. Своевременное оказание помощи могло бы спасти механизатора. Ставя вопрос о моральной ответственности, автор статьи пишет: «Ч. цепляется за букву закона, согласно которому нет ничего преступного в том, что фельдшер, находясь в отпуске, не выполнила своего профессионального долга». Однако такой вывод нельзя признать правильным. Согласно закону (постановление от 1 декабря 1924 г., инструкция от 11 марта 1926 г., ст. 157 УК) Ч. подлежит уголовной ответственности.

² «Бюллетень Наркомздрава» 1927 г. № 16, стр. 15.

никакие ссылки на отдых, отпуск и т. п. не могут оправдать бездействия врача. Только при таких обстоятельствах уклонение от оказания медицинской помощи является уголовно-наказуемым.

Судебная практика не признает уважительной причиной неоказания помощи больному отказ в приеме в лечебное учреждение, являющееся специальным (ведомственным). Это положение вытекает из инструкции от 11 марта 1926 г. Так, в июле 1935 года дежурная сестра К. была осуждена за неоказание медицинской помощи К. отказалась оказать первую неотложную помощь Б., тяжело раненному в голову, но сумевшему дойти до ближайшей железнодорожной больницы, где в это время дежурила К. Свой отказ К. мотивировала тем, что Б. не железнодорожник, а больница обслуживает только железнодорожников.

При рассмотрении состава неоказания помощи врачом возникает вопрос, наступает ли ответственность врача, не оказавшего помощь больному ввиду несогласия последнего, если в результате этого наступили тяжелые последствия?

В дореволюционное время имел место ряд случаев, когда даже для спасения жизни больного его родственники не соглашались на производство операции. Подобные факты свидетельствовали о низком культурном уровне населения.

В дореволюционной юридической литературе имела распространение теория, по которой согласие больного или его законных представителей признавалось обстоятельством, исключающим преступный характер врачебных мер. Деятельность врача рассматривалась как деятельность лица, причиняющего телесное повреждение, и потому она нуждалась в каком-то оправдании, которое находили в согласии. Если же не было согласия на операцию, то независимо от ее исхода наступала ответственность врача. Этой теории следовала судебная практика, в частности, германская и русская. Так, германский имперский суд осудил врача, который вопреки воле отца, ампутировал в больнице ногу его семилетней дочери. Отец девочки заявил, что ему легче было бы видеть ребенка в гробу, чем калекой. Врача привлекли к ответственности, несмотря на вывод экспертов о том, что опе-

рация была необходима для спасения жизни¹. Поэтому врачи не рисковали производить операции, не заручившись согласием больного или его законных представителей. Неоказание помощи больному для спасения его жизни при отсутствии согласия не влекло за собой уголовной ответственности. Оказание же помощи при таких обстоятельствах могло повлечь ее.

В статье 20 постановления ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» указывается: «Хирургические операции производятся с согласия больных, а в отношении лиц моложе 16-ти лет или душевнобольных — с согласия их родителей или опекуна». Примечание к этой статье указывает, что «операцию, необходимую и неотложную для спасения жизни или важного органа, врач может произвести по консультации с другим врачом без согласия родителей или опекуна, когда они не могут быть опрошены без риска опоздания и без согласия больного, когда он находится в бессознательном состоянии. Если и консультация связана с риском опоздания, врач может решить вопрос об операции один. О всяком таком случае он должен довести здраводелу не позже 24 часов».

Врач, не произведший операции потому, что он не заручился согласием там, где оно не требуется ввиду условий, указанных в приведенном примечании, должен нести ответственность за неоказание помощи. При несогласии больного или его законных представителей на производство операции врач обязан разъяснить, к каким последствиям это может привести. Если врач этого не сделал и прикрыл свое бездействие фактом отсутствия согласия, он должен нести ответственность по ст. 157 УК.

При наличии же предупреждения врача о последствиях возможны два следующих случая: 1) находящийся в сознании больной все же не согласен на операцию, зная о последствиях своего несогласия, и 2) родители или опекун больного не согласны на операцию, производство которой не опасно для жизни, но производство которой грозит смертью.

¹ См. С. П. Мокринский, Медицина в ее конфликтах с уголовным правом, «Журнал Министерства юстиции» 1914 г. № 5, стр. 90.

В первом случае сознательное волеизъявление больного, по нашему мнению, не должно нарушаться¹. Лишь в отношении военнослужащего операция должна быть произведена, хотя бы и без его согласия, если она ведет к возвращению его в строй. Случаи принудительного лечения возможны и при эпидемиях².

Во втором случае операция должна быть произведена обязательно. Родители и опекуны, не давшие согласия на производство операции, в результате чего ребенок может быть спасен, фактически берут на себя право распоряжения жизнью ребенка, которое им не принадлежит. Врач, не произведший в подобном случае операции, должен нести уголовную ответственность. В этой связи представляется необходимым дополнить примечание к ст. 20 постановления от 1 декабря 1924 г. следующим указанием о том, что если больному, не достигшему 16-ти лет, производство операции необходимо для спасения жизни, врач должен разъяснить это родителям или другим законным представителям больного, после чего произвести операцию, хотя бы они не дали своего согласия.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражается в умышленном неоказании медицинской помощи больному. Виновный сознает, что больной нуждается в помощи, но не желает ее оказать. О том, какая именно опасность угрожает больному и в какой помощи он нуждается, медицинский работник

¹ Некоторые медицинские работники считают, что если операция необходима для спасения жизни, то она может быть произведена во всех случаях без согласия больного. Ю. П. Эдель пишет: «Если необходима срочная операция для предотвращения неминуемой смерти и хирург чувствует себя во всеоружии опыта и знаний — больного (а тем более его родных) не о чем спрашивать — его нужно оперировать». Поэтому Ю. П. Эдель предлагает внести соответствующие изменения в ст. 20 постановления ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. («Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов», Научная сессия института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР. Рефераты докладов», Л., 1955, стр. 164). Однако, по нашему мнению, вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения и не считаться с волей человека, находящегося в полном сознании и отдающего себе отчет в последствиях своего несогласия на операцию.

² См. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, Л., 1948, стр. 224.

узнает лишь после осмотра больного В момент вызова к больному о грозящей опасности медицинский работник знает лишь со слов тех, кто его вызывает. При таких обстоятельствах нельзя требовать, чтобы виновный уже в момент вызова знал о том, что жизни больного угрожает опасность. Достаточно того, что виновный сознательно не исполняет своего профессионального и правового долга, то есть не является по вызову, не принимает больного в лечебное учреждение, не оперирует больного и т. д.

Сознание возможных последствий не оказания медицинской помощи является отягчающим вину обстоятельством, дающим основание для применения ч 2 ст 157 УК.

В связи с характеристикой субъективной стороны не оказания медицинской помощи возникают следующие вопросы: 1) о квалификации длительной отлучки единственного дежурного на пункте скорой помощи врача, в результате чего оказывается невозможным его вызов к больному и 2) о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному.

Указанные вопросы имеют практическое значение. В связи с изложенным заслуживает внимания дело В. 9 марта 1956 г. в 1 час. 30 мин. к проходной будке артели подошел гр-н Б, который тут же упал, жалуясь на сильную боль в области сердца. Дежурный вахтер стал вызывать скорую помощь, но в течение двух часов на его звонки никто не отзывался. Как выяснилось впоследствии, единственный дежурный фельдшер скорой помощи В. без каких-либо уважительных причин не находился на своем посту. После сердечного приступа больной прожил еще два часа. По заключению судебно-медицинской экспертизы при своевременном оказании помощи жизнь Б могла быть спасена.

Единственный врач (фельдшер), который дежурит на пункте скорой помощи, оставляя на длительное время свой пост, сознает, что он может быть вызван к больному. Следовательно, он безразлично относится к возможным последствиям своего отсутствия на работе для больного, к которому может быть в это время вызван. Такой уход с рабочего места есть уклонение от исполнения своего профессионального и правового долга.

Поэтому мы считаем целесообразным в подобных случаях привлекать к ответственности за неоказание медицинской помощи.

На вопрос о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному, Верховный суд РСФСР по делу врача О дал в свое время отрицательный ответ, указав на наличие в данном случае проступка, несовместимого с врачебной этикой¹. Отзвуки такого мнения можно услышать еще и сейчас. Так, прокуратура Плисского района, Молодечненской области 22 августа 1954 г. вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против врача Р. 28 апреля 1954 г. Р. отказалась выехать к больному П., у которого открылось обильное кровотечение. В постановлении прокуратуры указывается, что если бы Р. и выехала к П., то ввиду крайне тяжелого положения больного она бы все равно не смогла предупредить его смерть. Р., ранее лечившая П., была хорошо осведомлена о состоянии П.

Такое мнение об отсутствии состава преступления при уклонении от оказания помощи заведомо безнадежному больному является на наш взгляд ошибочным.

Прежде всего врач, не видя больного, может ошибиться в оценке его состояния. Однако дело не только в этом. Признание оспариваемого мнения противоречило бы самой сущности профессии врача. Врач обязан до последней возможности сражаться за жизнь больного. Помощь врача не ограничивается назначением лекарства или хирургическим вмешательством. Врач обязан внимательно и заботливо отнестись к больному, ободрить его. Отказ от оказания помощи больному может повлечь серьезные переживания больного. Даже и в том случае, когда медицина действительно бессильна, помощь нужна для облегчения страданий больного.

Кроме того, оправдание отказа в медицинской помощи безнадежному больному подрывает авторитет медицины, вносит элемент недисциплинированности, дает возможность недобросовестному врачу сослаться в оправдание своего бездействия на безнадежное состояние больного.

¹ См «Вестник современной медицины» 1928 г № 11, стр. 719.

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, обязанное «по закону или специальному правилу» оказывать медицинскую помощь. В соответствии с положениями о правах и обязанностях лиц медицинского персонала медицинскую помощь оказывают: врач, фельдшер, лекарский помощник (в Советской армии)¹, медицинская сестра², акушерка³. Согласно Положению о правах и обязанностях других лиц медицинского персонала (медицинских лаборантов, сиделок и т. д.) оказание медицинской помощи не относят к числу их обязанностей. Попытки расширить круг лиц, несущих ответственность по ст. 157 УК⁴, противоречат положениям о профессиональных обязанностях медицинских работников, приводят к признанию ответственными за неоказание медицинской помощи лиц, которые по своему положению не оказывают такой помощи.

¹ См. Циркуляр Наркомздрава РСФСР и ЦК Медсантруда «О правах лекарственных помощников.» от 23 апреля 1930 г., в котором указывается, что лекарские помощники Советской армии «пользуются профессиональными правами, предоставленными фельдшерам». («Бюллетень Наркомздрава РСФСР» 1930 г. № 16).

² См. Положение о правах и обязанностях медицинской сестры, утвержденное Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г., которое к обязанностям медсестры относит: делать подкожные и внутримышечные инъекции, оказывать первую помощь при мнимой смерти, травматических повреждениях, отравлениях и т. д. («Справочник медицинского работника», М., 1950, стр. 23—24).

³ См. Положение о правах и обязанностях акушерки, утвержденное Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г., которое к обязанностям акушерки относит оказание самостоятельно акушерской помощи, первоначальной помощи больному ребенку раннего возраста, делать хирургические перевязки и т. д. (там же, стр. 21).

⁴ Б. Царегородцев ответственными по ст. 157 УК считает всех работников лечебных учреждений, которые по трудовому договору и правилам внутреннего распорядка обязаны оказывать помощь больным («Вестник современной медицины» 1928 г. № 11, стр. 718).

Авторы учебника («Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 220) ответственными по ст. 157 УК считают всех лиц медицинского персонала. Это положение перенесено и в Курс советского уголовного права. (А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 625). Правильные указания содержатся в комментариях к УК РСФСР, изд. 2-е, М., 1946, стр. 202.

Врач, фельдшер, лекарский помощник, медицинская сестра, акушерка несут ответственность за неоказание медицинской помощи в том случае, если они занимаются медицинской практикой. Упомянутые лица, имеющие соответствующее образование, но не работающие по специальности, за неоказание помощи больному, в том числе и медицинской помощи, несут ответственность на общих основаниях.

Лица медицинского персонала, в обязанности которых не входит оказание медицинской помощи (фармацевты, лаборанты и др.), а равно лица немедицинского персонала, работающие в лечебных учреждениях (шоферы и др.), за неоказание помощи больному также несут ответственность на общих основаниях¹.

В нашей литературе и судебной практике по вопросу о разграничении состава неоказания медицинской помощи и должностной халатности нет единства. Циркуляр НКЮ РСФСР от 20 октября 1926 г.² предлагал квалифицировать неоказание медицинской помощи лицами медперсонала по ст. 157 УК или как должностное преступление в зависимости от того, входило ли оказание этой помощи в круг служебных обязанностей виновного или являлось лишь его профессиональной обязанностью³. Верховный Суд СССР по-разному решает этот вопрос. Так, по делу врача Л. он отказался от указанной трактовки⁴, а по делу врача К.⁵ и по делу врача З.⁶ Верховный Суд СССР вновь вернулся к положению упомянутого циркуляра.

Подразделение деятельности медицинского персонала на служебную и профессиональную является верным

¹ Их ответственность по ст. 157 УК может иметь место только в случаях нарушения ими ст.ст. 7—10 инструкции от 11 марта 1926 г.

² См. «Сборник циркуляров НКЮ РСФСР», М., 1931, стр. 216.

³ Это мнение поддерживает М. Шаргородский в работе «Ответственность за преступления против личности» (Л., 1953, стр. 90).

⁴ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1938—1939», М., 1940, стр. 103.

⁵ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 18.

⁶ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 11.

лишь в той части, что в служебное время правовой обязанностью медперсонала является оказание помощи любому лицу, которое за ней обратилось, а в иное время — лишь больному, жизни которого угрожает опасность. В соответствии с инструкцией от 11 марта 1926 г. медперсонал обязан оказывать первую неотложную помощь в любое время, следовательно и в служебное. Инструкция не различает служебные и профессиональные обязанности медперсонала, указывая на применения ст. 157 УК при неоказании помощи больному независимо от места и времени. Мнение о том, что неоказание медицинской помощи в служебное время является должностным преступлением, приводит к признанию всех врачей, фельдшеров, медсестер и акушерок должностными лицами, что, как известно, не соответствует действительности. При таком положении неоказание должностными лицами медицинской помощи в служебное время повлечет ответственность по ст. 111 УК, а не должностными лицами в то же время — по ст. 157 УК, что противоречит инструкции от 11 марта 1926 г. В приведенной инструкции не ставится вопроса о квалификации неоказания медицинской помощи в зависимости от того, является ли виновный должностным лицом. Кроме того, принятие оспариваемого мнения может привести к разнобою в судебной практике и создаст дополнительные трудности.

Так, врач — заведующий отделением будет отвечать за уклонение от оказания медицинской помощи по ст. 111 УК, а такой же врач, но не занимающий административной должности, может быть привлечен к ответственности лишь по ст. 157 УК. Первый из них также будет отвечать и по ст. 157 УК, если он уклонился от исполнения своих профессиональных обязанностей, будучи дома или на улице. Нам представляется, что в момент отправления своих профессиональных функций (лечение больных) врач является только врачом, независимо от его административных или других обязанностей.

Наконец, признание неоказания медицинской помощи в служебное время халатностью означает, что виновный не сознавал, что больному требуется его помощь или, во всяком случае, его отношение к последствиям своего

бездействия было неосторожным. Между тем уклонение от оказания медицинской помощи независимо от того, как будет квалифицироваться это преступление, предполагает умысел, то есть сознание виновным того, что больной нуждается в помощи. Для наличия же более опасного вида этого преступления необходима заведомость наступления тяжких последствий, в том числе и смерти больного. При таких обстоятельствах не может быть и речи о халатности.

Применение к медработникам — должностным лицам норм об ответственности за должностные преступления возможно лишь в тех случаях, когда преступление виновного, совершенное в служебное время, не подпадает под признаки ст. 157 УК (например, неоднократные случаи неоказания помощи лицам, жизни которых не угрожает опасность).

Советское законодательство различает не только простой, но и более опасные виды неоказания медицинской помощи. К последнему закон относит: «Отказ лица, занимающегося медицинской практикой, от оказания медицинской помощи, если таковой заведомо мог иметь опасные для больного последствия» (ч. 2 ст. 157 УК).

Часть 2 ст. 157 УК отличается от ч. 1 этой статьи по трем признакам. Для наличия данного состава необходимо, чтобы:

а) имело место уклонение от оказания медицинской помощи. Уклонение от оказания непосредственно немедицинской помощи может рассматриваться лишь как простой состав преступления;

б) имел место отказ в оказании медицинской помощи. Отказом является неоказание медицинской помощи в случае, когда виновному было предложено или его просили об оказании помощи. Инициатива в приглашении или вызове врача, фельдшера и т. д. исходит от больного или других лиц, действующих в его интересах. Если виновный не проявил инициативы в оказании помощи больному, зная, что она необходима последнему, имеет место простой состав данного преступления. Форма отказа (прямо выраженное нежелание явиться к больному, заведомо обманное согласие оказать помощь и т. п.) не влияет на квалификацию, но должна быть учтена при назначении наказания; и

в) отказ мог иметь заведомо для виновного опасные для больного последствия. В данном случае виновный сознает, что жизни больного угрожает опасность, и, несмотря на это, отказывает ему в помощи. Наступление последствий (смерти больного) не меняет юридической квалификации бездействия виновного, но, разумеется, является отягчающим вину обстоятельством. Решая вопрос о том, сознавал ли виновный возможность наступления тяжелых последствий, суд исходит из того, что именно было известно виновному о состоянии больного. При этом следует учитывать и квалификацию виновного.

Для наличия более опасного вида уклонения от оказания помощи больному необходима совокупность всех трех указанных признаков. Отсутствие хотя бы одного из них исключает ч. 2 ст. 157 УК.

В части 2 ст. 157 УК в отличие от ч. 1 этой статьи непосредственно назван субъект преступления (лицо, занимающееся медицинской практикой), определен характер помощи, от оказания которой отказался виновный (медицинская помощь), указано, что ответственность наступает при неоказании помощи больному, жизни которого угрожает опасность («опасные для больного последствия»). Поэтому применение ч. 2 ст. 157 УК не требует наличия дополнительных нормативных актов. Обращение к последним, которое необходимо при применении ч. 1 ст. 157 УК, вызывает известные затруднения и неудобства. Поэтому нам представляется целесообразным указать в законе субъект преступления (лицо медицинского персонала) и определить, в каких случаях неоказание помощи влечет за собой уголовную ответственность (больной, жизни которого угрожает опасность). Таким образом, рассматриваемый состав, по нашему мнению, можно сформулировать, примерно, следующим образом: неоказание без уважительной причины лицами медицинского персонала медицинской помощи больному, жизни которого угрожает опасность, влечет...

Подобная формулировка дает возможность несколько упростить и редакцию состава, предусмотренного в настоящем время ч. 2 ст. 157, в которой можно сказать, примерно, следующее: отказ упомянутых выше лиц от оказания медицинской помощи, если таковой заведомо

мог иметь опасные для больного последствия, влечет...

Неоказание медицинской помощи больным и раненым военнопленным. Оставление раненых на поле боя.

Специальными видами неоказания медицинской помощи являются неисполнение обязанностей по лечению больных и раненых военнопленных и оставление раненых на поле боя.¹ Война, всегда связанная с кровопролитием, ставит в непосредственную опасность огромные массы людей. Десятки и сотни тысяч раненых нуждаются в неотложной медицинской помощи и в ограждении медицинских учреждений, куда их доставляют, от вражеского огня. Немалое число раненых оказывается на территории неприятеля.

Забота человечества об участии раненых, особенно попавших в плен, привела к созданию международных конвенций об улучшении участи больных и раненых воинов.

Женевская конвенция 1864 года об улучшении участи раненых и больных воинов установила неприкосновенность походных лазаретов и военных госпиталей, личного состава этих учреждений и гарантировала свободу и неприкосновенность местным жителям, подающим помощь раненым.

Женевская конвенция 1906 года определила, что раненые и больные воины пользуются покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти которого они оказались; что после каждого боя сторона, занимающая поле сражения, обязана принять меры к розыску раненых и оградить их от дурного обращения; что главнокомандующие армиями обязаны наблюдать за исполнением настоящей конвенции.

Однако международные конвенции выполняются не всеми государствами. Во время первой мировой войны убийство раненых, попавших в плен, имело место по прямому приказу Верховного командования кайзеровской армии. Примеру своих союзников следовали и турецкие солдаты¹.

Подробно регламентировала отношение к больным и раненым и Женевская конвенция 1929 года, заменившая

¹ См. П. Ромашкин, Военные преступления империализма, М., 1953, стр. 90 и др.

собой по данному вопросу прежние конвенции. Как и в конвенции 1906 года, Женевская конвенция предусматривала уголовную ответственность за ее нарушение. Несмотря на это, гитлеровские войска систематически нарушали конвенцию 1929 года.

В июле 1941 года у железнодорожной станции Шумилино фашисты захватили в плен группу тяжело раненных советских воинов и тут же расстреляли их. В том же месяце в районе г. Борисова они отравили мышьяком 70 тяжело раненных советских воинов. В деревне Лагутино, около Брянска, фашисты привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В г. Рудне, Смоленской области, фашисты захватили советский полевой госпиталь и расстреляли всех раненых, а также санитаров и санитарок. В Каунасе, в лагере для военнопленных истощенных воинов, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей. В селе Воронки, на Украине, гитлеровцы разместили 40 раненых красноармейцев и медсестер в помещении бывшей больницы. У медицинского персонала отобрали перевязочные средства, медикаменты и продукты питания, медсестер изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану и в течение четырех дней никого к ним не подпускали. Часть раненых умерло, а остальных бросили в реку¹.

Это лишь отдельные примеры злодеяний фашистов по отношению к беспомощным раненым. В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. указывалось, что зверства Чингис-хана, Батыя и Мамаюа бледнеют перед злодеяниями фашистских разбойников².

Массовое истребление советских военнопленных, в том числе раненых и больных, явилось следствием организованной системы истребления, а не результатом недисциплинированности отдельных солдат или офицеров. Накануне вероломного нападения на СССР 21 июня 1941 г. гитлеровские войска получили приказ:

«С ранеными русскими... нечего долго возиться: их надо приканчивать на месте»¹.

Кровью раненых, больных и медицинского персонала запятнали свои мундиры и японские офицеры и солдаты. Так, в военном госпитале в Гонконге японцы закололи всех больных и раненых. В январе 1942 года в Малайе японские солдаты, захватив колонну санитарных машин с больными и ранеными, вытащили их из машин и закололи штыками. В феврале 1942 года в Сингапуре, в Александрийском госпитале, они убили 223 человека².

Во время второй мировой войны грубо и бесчеловечно попирались нормы международного права о гуманном обращении с ранеными и больными, но военные преступники понесли за свои злодеяния уголовную ответственность.

Следует отметить, что Советское правительство неуклонно соблюдало нормы конвенции.

После окончания второй мировой войны конвенция 1929 года была пересмотрена и заменена ныне действующей Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Конвенция, содержащая 9 глав (64 статьи), подробно регламентирует отношение к раненым и больным в действующих армиях.

Конвенция 12 августа 1949 г.:

1) запрещает следующие действия в отношении раненых и больных:

а) посягательства на их жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания,

б) взятие заложников,

в) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение,

г) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями (ст. 3);

¹ См. «Нюрнбергский процесс», Сборник материалов, т. I, М., 1954, стр. 429, 430, 451, 459, 465, 514 и др.

² См. там же, стр. 436.

¹ «Нюрнбергский процесс», Сборник материалов, т. I, М., 1954, стр. 459.

² См. П. Ромашкин, Военные преступления империализма, М., 1953, стр. 152.

2) обязывает подбирать раненых и больных «Во всякое время и в особенности после боя, — гласит ст. 15, — стороны, находящиеся в конфликте, немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых и больных и оградить их от ограбления и дурного обращения...

Каждый раз, когда это позволят обстоятельства, будут заключаться соглашения о перемирии или о прекращении огня или же местные соглашения, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся на поле боя, транспортировать их, а также произвести обмен ими»;

3) обязывает оказывать раненым и больным медицинскую помощь. Ст. 12 указывает, что «строго запрещается... оставлять их (раненых и больных. — И. Ф.) без медицинской помощи или ухода...».

В статье 30 этой конвенции указывается: «Каждый лагерь будет иметь соответствующий лазарет, где военнопленные получают помощь, в которой они могут нуждаться, и где им будет предоставлен необходимый режим питания... Военнопленные, страдающие тяжелой болезнью или состоянием которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации, должны быть приняты в любое, могущее обеспечить их лечение, военное или гражданское медицинское учреждение... Особые условия будут созданы для ухода за инвалидами, в частности, слепыми...»;

4) устанавливает неприкосновенность медицинских учреждений и медицинского персонала. Постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования медицинской службы, госпитальные суда, транспорты с ранеными и больными или санитарным имуществом «...будут во всякое время пользоваться покровительством и охраной сторон, находящихся в конфликте» (ст.ст. 19, 20, 35);

5) запрещает «применение репрессалий к раненым, больным, личному составу, зданиям и имуществу, находящимся под защитой конвенции» (ст. 46);

6) указывает, что «никто не должен подвергаться преследованию... за то, что он ухаживал за ранеными или больными».

Аналогичные нормы содержит и Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи

раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»¹.

Статья 49 конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и ст. 50 конвенции «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение...» указывают:

«Высокие договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей конвенции...».

К серьезным нарушениям, которые должны влечь за собой уголовную ответственность, конвенции относят: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, преднамеренное причинение тяжелых страданий; нанесение ущерба здоровью и т. д. (ст. 50 и ст. 51 упомянутых конвенций). В числе серьезных нарушений конвенции непосредственно не называют не оказание медицинской помощи. Последнее охватывается указанием на «бесчеловечное обращение».

В советском уголовном праве нормы конвенции нашли отражение в военно-уголовном законодательстве. Статья 32 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления предусматривает: «дурное обращение с военнопленными... направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение их и попечение о них»². Таким образом не оказание медицинской помощи больным и раненым военнопленным влечет уголовную ответственность по ст. 32 названного закона, а не по ст. 157 УК. В отличие от ст. 157 УК ответственность по ст. 32 Закона наступает не только при не оказании помощи, когда жизни больного угрожает опасность, но и при небрежном исполнении обязанностей в отношении больных и раненых. Ответственность по ст. 32 Закона несут не

¹ Упомянутые конвенции от 12 августа 1949 г. ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. (См. «Женевские конвенции о защите жертв войны», М., 1954).

² Аналогичные нормы содержат уголовные кодексы стран народной демократии ст. 339 УК Албании, § 303 УК Чехословакии и др.

только лица, обязанностью которых является оказание медицинской помощи, но и все другие военнослужащие, на которых возложено попечение о больных и раненых пленных.

Отражение в уголовном законодательстве СССР требований международных конвенций означает не только признание общественно опасным дурного обращения с военнопленными, но и является выражением уважения этих конвенций, в соблюдении которых должны быть заинтересованы все государства и все честные люди

Если неоказание медицинской помощи раненым является преступлением, то тем более является преступлением оставление их на поле боя. Конвенции 1949 года обязывают воюющие стороны выносить раненых с поля боя. Невынос раненых с поля боя является оставлением лиц, лишенных возможности принять меры самосохранения, в состоянии опасности и поэтому подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК. Однако с целью более точно отразить в нормах уголовного права требования международных конвенций, по нашему мнению, было бы целесообразно предусмотреть в главе о воинских преступлениях специальную норму об ответственности за оставление раненых на поле боя лицами, обязанными вынести их с места сражения¹.

Внес же законодатель в уголовный кодекс специальную норму об ответственности капитана судна за неоказание помощи людям, гибнущим на водном пути, хотя такое преступление также охватывается ст. 156 УК, отразив тем самым требования Брюссельской конвенции 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море».

¹ Специальный состав преступления — оставление раненых на поле боя предусмотрен Уголовными кодексами Народной Республики Албании и Народной Республики Болгарии. Статья 337 УК Албании гласит «Оставление раненых на поле сражения лицами, обязанными вынести их с поля сражения, карается тюремным заключением на срок от двух до десяти лет». В Уголовном кодексе Болгарии за оставление раненых на поле боя предусматривается лишение свободы на срок от двух до шести лет.

Глава IV

НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ ПОГИБАЮЩЕМУ ПОСТОРОННИМ ЛИЦОМ

Уголовные кодексы Украинской (ст. 159), Белорусской (ст. 230), Узбекской (ст. 208), Грузинской (ст. 164) и Туркменской (ст. 166) союзных республик предусматривают ответственность за неоказание помощи погибающему лицу, специально не обязанным заботиться об оставленном без помощи.

Статья 230 УК БССР гласит: «Несообщение подлежащим учреждениям или лицам об опасном для жизни положении другого лица, неоказание ему помощи, которую можно было оказать, если последствием этого была смерть или тяжкое телесное повреждение.»

В отличие от состава оставления в опасности (ст. 156 УК) состав преступления, предусмотренный указанными статьями уголовных кодексов названных союзных республик, содержит некоторые особенности.

С объективной стороны рассматриваемое преступление выражается или в неоказании помощи погибающему, или в несообщении соответствующим лицам о его состоянии. При поставлении в опасность, поскольку на виновном лежит специальная обязанность заботиться об оставленном, ответственность наступает за оставление в опасности.

Само по себе сообщение об опасности, угрожающей другому лицу, не является равнозначным оказанию помощи. Если оставленный нуждается в немедленной помощи, неоказание которой может привести к гибели потерпевшего, то одно лишь сообщение надлежащим

лицам о его состоянии не исключает ответственности. Такое лицо не привлекается к ответственности лишь в случае, если оно настолько своевременно смогло предупредить других лиц, что последние оказали погибающему необходимую помощь. Законодатель предъявляет к посторонним лицам меньшие требования, чем к лицам, специально обязанным заботиться о погибающем.

Сообщение, о котором говорится в указанных статьях, должно быть сделано учреждениям или лицам, специально обязанным заботиться об оставленном. Кто именно должен быть поставлен в таких случаях в известность, зависит от того, в каком состоянии находится погибающий и, следовательно, в какой помощи он нуждается. В одном случае необходимо вызвать врача, в другом — пожарную команду, в третьем — родителей и т. д. Из формулировки рассматриваемого состава следует, что сам факт своевременного сообщения упомянутым лицам об опасности свидетельствует об исполнении правовой обязанности таким лицом.

Необходимым признаком состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК БССР, является наступление определенных последствий — смерти или тяжких телесных повреждений.

Субъектом данного преступления является лицо, специально необязанное заботиться об оставленном. Если ст. 229 УК БССР (ст. 156 УК РСФСР), определяющая ответственность за неисполнение специальной обязанности заботиться об оставленном, исходит из того, что такая обязанность установлена определенными актами, то ст. 230 УК БССР непосредственно сама определяет эту обязанность. Указанная обязанность является правовой, поскольку уголовный закон предписывает под угрозой наказания оказывать помощь лицу, жизни которого угрожает опасность.

Очевидцами угрожающей другому лицу опасности могут быть одновременно многие лица. Отсюда возникает вопрос о круге лиц, ответственных за неоказание помощи погибающему.

Характерным для буржуазной уголовноправовой доктрины является искусственное ограничение этого круга. Н. С. Таганцев указывал, что ответственность за неоказание помощи со стороны лиц, специально не

обязанных ее оказывать, не наступает, если неоказавший помощь «был только одним из зрителей.»¹

Немецкий юрист Лист также исключал ответственность в том случае, если неоказавший помощи «имел основание с уверенностью ожидать, что покинутый будет подобран другими лицами»². Из приведенных высказываний явствует, что при наличии группы лиц, оказавшихся очевидцами опасности, угрожающей другому лицу, гарантируется безнаказанность каждого, кто вошел в эту группу, хотя бы он и мог оказать помощь, но бездействовал. Согласно этим точкам зрения оказывалось, что одиночный зритель, не оказавший помощи погибающему, подлежал ответственности в то время, как бездействие нескольких лиц, имевших возможность объединенными усилиями легче и быстрее спасти погибающего (уже в силу одного факта наличия нескольких лиц), исключает их ответственность.

Так, Н. С. Тимашев прямо пишет: «...почему я обязан помочь, если только я могу это сделать, и никто не обязан, если это могут сделать двадцать человек»³.

Приведенные взгляды не являются случайными высказываниями отдельных авторов. Они вытекают из основ буржуазной морали.

Неприемлемость подобного ограничения круга лиц, ответственных за неоказание помощи погибающему, для социалистического уголовного права очевидна. Развивая учение об ответственности каждого члена коллектива за неоказание помощи, А. Я. Вышинский в обвинительной речи по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан» говорил: «...ни с одного члена коллектива, ни с одного члена команды... не снимается ответственность, даже если вы оправдаете того или иного обвиняемого, сидящего на скамье подсудимых... Даже оправданные должны будут выйти отсюда, из этого процесса, если вы вынесете им оправдательный приговор, не с высоко поднятой головой, а с низко опущенными глазами, стыдясь

¹ Н. С. Таганцев, О преступлениях против жизни по русскому праву, СПб, 1870, стр. 464

² Ф. Лист, Учебник уголовного права, часть Особенная, 1905, стр. 26

³ См. Н. С. Тимашев, Проблема невмешательства в уголовном праве («Журнал Министерства юстиции» 1916 г. № 10, стр. 136)

того, что совершилось на их глазах в трагическую ночь 28 мая, того, что они не сумели свою попытку организовать спасение погибавших довести до конца и уступили оказавшимся во главе парохода «Совет» негодяям»¹. А. Я. Вышинский в данном случае говорил о моральной ответственности каждого зрителя, каждого члена коллектива, не оказавшего помощи погибающему. Моральная ответственность шире правовой. Однако правовые требования тесно связаны с моральными, опираются на них, определяются ими.

Статья 230 УК БССР и аналогичные статьи уголовных кодексов тех союзных республик, в которых они имеются, непосредственно не разрешают вопросы о круге лиц — свидетелей опасности, и отсылают в этой части к нормам социалистической морали. Наличие группы очевидцев грозящей кому-то опасности свидетельствует о большей возможности объединенными усилиями спасти погибающего. Поэтому уголовную ответственность за бездействие — неоказание помощи при наличии группы свидетелей опасности должен нести каждый, кто имел реальную возможность без серьезной опасности для себя оказать помощь. Такое требование вытекает из основ социалистической морали и соответствует интересам наилучшей охраны жизни советских граждан.

* * *

Различное решение уголовными кодексами союзных республик вопроса об ответственности посторонних лиц за неоказание помощи погибающему вызывает необходимость поставить вопрос о целесообразности введения такой нормы в уголовных кодексах союзных республик.

Для решения этого вопроса представляет интерес рассмотрение следующих дел. 30 июля, около 3 часов дня, на реке Наре (около Серпухова) находилась группа ребят из детского дома во главе с руководителями и тремя взрослыми помощниками. Случайно проезжавшие в это время работники НКВД издали замечание, что группа вдруг пришла в движение. Товарищи подъехали и спросили в чем дело. Руководитель ответил: «Тонет девочка, но не наша». Он и его помощники

в полном спокойствии стояли на берегу. Подъехавшие бросились в воду, ныряли, пытались ловить сетью и через 25 минут вытащили девочку, которая оказалась 12-летней пионеркой — Шурой Улановой. Спасти Шуру Уланову уже не удалось, так как время было упущено. Шура Уланова утонула в четырех метрах от берега, на глазах четверых взрослых, в таком месте, где вода едва доходит до плеч. Люди проявили позорное, преступное равнодушие. Когда товарищи, вытащившие девочку, обратились к педагогам с вопросом, почему они не оказали никакой помощи, педагоги ответили, что им незнакома эта девочка¹.

Другой пример. 21 сентября 1953 г. в 150 километрах от поселка партия изыскателей, пробиваясь сквозь тайгу, неожиданно подошла к широкой и бурной реке Верхний Турухан. Двое изыскателей, Максимов и Круглов удачно перешли реку, а у третьего — Поликарпова бурное течение выбило из рук одежду и унесло. Максимов и Круглов, не поделившись с пострадавшим товарищем одеждой, хотя могли это сделать без какой-либо опасности для себя, оставили его без одежды и пищи в покрытой снегом тайге. Через семь дней спасательный отряд нашел Поликарпова лежащим под вывороченной с корнем лиственницей. Благодаря исключительно крепкому здоровью Поликарпов остался живым, но его руки и ноги были обморожены и ноги впоследствии ампутированы².

Такое безучастие к судьбе другого человека является выражением грубейшего эгоизма, несовместимого с принципами человеческого общежития вообще, социалистического общежития в особенности. Поэтому, по нашему мнению, невозможно оставлять безнаказанными таких лиц. Однако морального осуждения в подобных случаях недостаточно. Неоказание помощи посторонним лицом погибающему является не менее общественно опасным бездействием, чем многие другие ныне наказуемые деяния.

Советские криминалисты последовательно стоят на позициях признания неоказания помощи погибающему преступлением независимо от того, лежала или нет на

¹ А. Вышинский, Судебные речи, М., 1948, стр. 183.

¹ См. «Правда» 14 августа 1936 г.

² См. «Комсомольская Правда» 11 декабря 1953 г.

виновном специальная обязанность заботиться об оставленном¹. Так, в учебнике уголовного права указывается: «Проявление грубого эгоизма в виде неоказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, когда ее можно было оказать, во всех случаях заслуживает не только морального осуждения, но и уголовного наказания»². Аналогичное положение содержат и другие учебники по уголовному праву³. Такого же мнения придерживаются многие авторы статей и монографий⁴.

В нашей литературе имели место попытки расширить применение ст. 156 УК. Например, А. Ганин писал, что субъектом преступления, предусмотренного упомянутой статьей, может быть: «Всякое лицо, являющееся свидетелем опасного для жизни положения другого лица и могущее оказать помощь»⁵. Как уже отмечалось, такое толкование противоречит закону. Такое высказывание является стремлением расширить рамки ответственности за неоказание помощи.

Представляет интерес решение этого вопроса в зарубежных социалистических странах. Так, Уголовный кодекс Народной Республики Албании различает оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном (ст. 161), и неоказание помощи погибающему посторонним лицом (ст. 162). Пункт 1 § 227 УК Чехословацкой Республики предусматривает

¹ Такого же мнения придерживались и некоторые прогрессивные буржуазные ученые. Серьезные доводы в пользу этого мнения приводит проф. М. П. Чубинский в «Курсе уголовной политики» (стр. 300—303).

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 220.

³ «Уголовное право, Особенная часть», М., 1939, стр. 203; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 624.

⁴ См. Шпанов, Неоказание помощи погибающему, «Советская юстиция» 1937 г. № 8, стр. 28. И И. Слущкий писал: «Неоказание помощи человеку, жизни которого угрожает непосредственная неминуемая опасность, в условиях социалистического общества должно быть признано не только безнравственным, но и уголовно-наказуемым поведением». (И. И. Слущкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, Л., 1956, стр. 95.) См. также «Правоведение» 1958 г. № 1, стр. 124.

⁵ А. А. Ганин, Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года в вопросах и ответах..., стр. 180.

ответственность тех, «...кто умышленно не окажет лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, необходимой помощи, которая может быть оказана без опасности для себя или другого лица...». Ответственность наступает независимо от специально лежащей на виновном обязанности заботиться об оставленном.

Неоказание помощи посторонним лицом предусматривает ч. 1 ст. 151 УК Народной Республики Болгарии. Часть 2 ст. 216 того же кодекса говорит отдельно об ответственности того, «кто в случае, когда имуществу, здоровью или жизни какого-либо лица угрожает опасность, откажется прийти на помощь, будучи призван к этому надлежащим должностным лицом, если при этом ни ему, ни другим лицам опасность не угрожает...».

Уголовный кодекс Румынской Народной Республики предусматривает ответственность за неоказание помощи лицу, находящемуся «...в таких условиях, что ставит под угрозу его жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность». При этом ответственность дифференцируется в зависимости от характера отношений между виновным и оставленным: в ч. 1 ст. 486 этого кодекса предусматривается ответственность того, кто обязан наблюдать за оставленным, а в ч. 2 этой статьи говорится об ответственности родственников по восходящей или нисходящей линии, братьях, сестрах и супругах; в ч. 2 ст. 489 УК указывается на ответственность водителей транспорта, причастных к аварии, а в чч. 1 и 3 ст. 489 УК — о сторонних лицах.

Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики в ст. 134 предусматривает ответственность посторонних лиц, за «несообщение соответствующему органу или соответствующему лицу о находящемся в опасном для жизни состоянии лице, а равно неоказание помощи такому лицу, при наличии возможности ее оказания, в силу чего наступила смерть этого лица или ему причинено тяжкое телесное повреждение...».

Глава V

НАКАЗАНИЕ ЗА ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ

При рассмотрении вопросов наказания за то или иное преступление большое значение имеют указания В. И. Ленина о том, что «предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы... ни один случай преступления не проходил нераскрытым»¹. Между тем этот принцип иногда нарушается. Например, количество случаев уклонения от оказания медицинской помощи больше, чем их доходит до суда. Такое положение объясняется различными причинами. Началом производства по делу обычно служит заявление потерпевшего или его родственников. Если уклонение врача от оказания медицинской помощи не повлекло тяжких последствий для больного, то последний обычно не обращается с жалобой. При смертельном исходе родственники потерпевшего также не всегда делают заявление о имевшем место подобного рода факте.

Иногда подобное дело задерживается в органах здравоохранения, принимающих решения о наложении дисциплинарных взысканий, но не о передаче дела следственным органам. Наконец, судебные органы не всегда привлекают к ответственности виновных. Так, в прокуратуру был передан материал на предмет привлечения к уголовной ответственности врачей скорой помощи Е. и Г. 30 января 1955 г. к тяжело больному

ребенку был вызван врач скорой помощи Е., который по вызову не явился. 31 января мать больного ребенка в 8 часов снова обратилась за помощью, сказав, что состояние ребенка ухудшается, но и этот вызов не был обслужен. Врач Г., принявший дежурство от Е. в 9 часов, в свою очередь также не выехал к больному ребенку. Лишь в 12 часов, после очередной настойчивой просьбы матери, врач Г. явился к больному и направил его в инфекционную больницу, где вследствие запоздалого вмешательства ребенок в тот же день умер от дифтерии зева. Несмотря на очевидность преступного уклонения от оказания медицинской помощи, прокуратура не нашла «достаточных оснований» для возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что наказания, назначаемые за оставление в опасности, не всегда являются одинаковыми. Наибольший разбой имеется в санкциях за оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном. Почти нет разбоя в санкциях за неоказание помощи посторонним лицом (за исключением Уголовного кодекса Туркменской ССР) и за неоказание медицинской помощи (за исключением Уголовного кодекса БССР). Полное единство имеется лишь в санкциях за неоказание помощи на водном пути, установленных общесоюзным законом. Некоторые уголовные кодексы предусматривают за данное преступление назначение штрафа. Следует отметить, что особенность всей группы рассматриваемых преступлений требует применения таких мер, которые воздействовали бы на психику виновного. Применение штрафа за перечисленные преступления является явно недостаточным. Так, приговором народного суда от 15 марта 1957 г. был осужден к штрафу на сумму в 300 руб. врач К., признанный виновным в неоказании медицинской помощи М. Последний упал с дерева, с высоты в 8 метров. Товарищи пострадавшего прибежали к врачу К., который, ссылаясь на дождь, грязь и темноту, отказался пойти, дав указание доставить М. в больницу, куда и обещал явиться. Через 2 часа М. был доставлен в больницу. Однако врач К. туда не явился, хотя проживал от больницы на расстоянии всего 300 метров. Не получив медицинской помощи, М. умер. По заключению судебно-медицинской экспертизы своевременное оказание помощи могло спасти М.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 373.

В данном конкретном случае назначенное осужденному врачу К. наказание — штраф 300 руб. не соответствовало тяжести совершенного им преступления.

Представляет интерес сравнение санкции за рассматриваемые преступления по уголовным кодексам союзных республик, принятым в 1926—1928 гг.¹

Уголовные кодексы	Оставление в опасности		Неоказание медицинской помощи		Неоказание помощи на водном пути
	Лицом, специально обязанным заботиться об оставленном	Посторонним лицом	Простой вид	Более опасный вид	
РСФСР	И — 6 мес. Ш — 300 руб.		И — 1 год Ш — 300 руб.	И — 1 год Л — 1 год Ш — 1000 руб.	
УССР . . .	И — 6 мес. Л — 1 год	И — 6 мес.	И — 1 год Ш — 500 руб.	Р	
БССР . . .	И — 1 год Л — 1 год	И — 6 мес.	Р	Л — 3 года	
Аз. ССР . .	И — 1 год Л — 6 мес. Ш — 500 руб.		Р	Р	
Арм. ССР .	Р		Р	Р	
Груз. ССР .	И — 1 год Л — 1 год	И — 6 мес.	И — 1 год Ш — 500 руб.	Л — 1 год Ш — 1000 руб.	Л — 2 года
Узб. ССР .	Л — 2 года	Л — 3 года	И — 6 мес.	И — 1 год Ш — 500 руб.	
Туркм. ССР	И — 1 год Л — 1 год	И — 1 год Л — 1 год	Р	Р	
Тадж. ССР	Р		Р	Р	

¹ Условные обозначения в приводимой таблице И — исправительные работы, Л — лишение свободы, Ш — штраф, Р — санкции такие же, как в УК РСФСР. В таблице приведены максимальные сроки исправительных работ и лишения свободы и максимальные суммы штрафа. Наказания, приведенные в одной клетке, являются альтернативными.

За оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном, целесообразно сохранить исправительные работы или лишение свободы.

Оставление без помощи потерпевшего лицом, которое своими виновными действиями причинило ему вред, не образует самостоятельного состава преступления, но является отягчающим вину обстоятельством, которое должно влиять на размер назначаемого наказания. Наиболее часто такое оставление имеет место при нарушении правил движения водителем транспорта. Так, уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР определением от 22 марта 1950 г., признав виновность М. в нарушении правил движения доказанной, отменила приговор по мягкости назначенного ему наказания, указав, что М. помощи потерпевшим не оказал, а бросил машину и скрылся, что не было учтено народным судом¹. По тем же основаниям та же коллегия определением от 24 ноября 1951 г. отменила приговор по делу К., который на лично ему принадлежащей машине «Победа», нарушив правила движения, наехал на Л., причинив ему тяжкие телесные повреждения, и, не оказав помощи, скрылся². Виновному в нарушении правил движения на транспорте должно быть ясно, что оставление им без помощи пострадавшего повлечет за собой назначение более сурового наказания. Такое положение будет иметь большое предупредительно-воспитательное значение.

По сравнению с неоказанием помощи более суровое наказание должно назначаться за оставление в опасности.

В литературе давно уже отмечалось, что наказание за подкидывание детей, назначаемое в рамках санкции ст. 156 УК, является слишком мягким³. Учитывая специфику этого состава по нашему мнению было бы целесообразно предоставить суду возможность максимальной

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г № 4, стр. 8

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г № 3, стр. 25. Правильность позиции Верховного Суда СССР по данному вопросу отмечает С. А. Домахин. (Ответственность за преступления на автотранспорте, М., 1956, стр. 32—33).

³ См. «Советская юстиция» 1932 г. № 13, стр. 23—24. и «Советская юстиция» 1937 г. № 2, стр. 15—18.

индивидуализации наказания, определив лишение свободы на срок от одного до пяти лет.

Как видно из таблицы, простой вид неоказания медицинской помощи не может повлечь за собой применение лишения свободы в то время, как оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном, может повлечь за собой применение такой меры. Между тем специальная обязанность заботиться о пострадавшем лежит на медработнике не в меньшей мере, чем на лицах, несущих ответственность по ст. 156 УК. Это несоответствие, по нашему мнению, необходимо устранить.

Наказание за неоказание медицинской помощи при отягчающих обстоятельствах мы считаем недостаточным. Врач, отказавший в помощи больному, заведомо сознавая неизбежность или вероятность его гибели, должен нести более суровое наказание. Применение исправительных работ здесь недостаточно. Представляется более правильной санкция, предусмотренная Уголовным кодексом БССР. Осуждая за неоказание медицинской помощи при заведомости последствий, суду следует обсуждать вопрос о целесообразности применения к виновному в качестве дополнительного наказания лишения права заниматься медицинской практикой на срок, допускаемый законом.

Неоказание помощи погибающему посторонним лицом вызывает применение исправительных работ на срок до шести месяцев. Лишь по Уголовному кодексу Туркменской ССР возможно применение лишения свободы или исправительных работ на срок до одного года. Следует отметить, что исправительные работы на срок до шести месяцев или общественное порицание, по нашему мнению, будут вполне соответствовать степени опасности указанного преступления.

* * *

В судебной практике дела об оставлении в опасности встречаются сравнительно редко. Однако, как указывает проф. А. В. Венедиктов, количество дел той или иной категории еще не определяет значения тех или иных законов и уделяемого им при исследовании внимания. Законы об ответственности за оставление в опасности,

предусматривая наказание за неоказание помощи погибающему, выполняют и предупредительно-воспитательную задачу. Отдельные, но важные вопросы, связанные с ответственностью за оставление в опасности, носят дискуссионный характер, что определяет необходимость их разработки. Теория призвана помочь практике не только в разрешении наиболее часто встречающихся дел, но и в разрешении хотя бы и не многочисленных дел¹.

Задача более эффективного предупредительно-воспитательного и карательного воздействия уголовного законодательства об ответственности за оставление в опасности, по нашему мнению, требует дальнейшего совершенствования этих норм.

---

¹ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М., 1954, стр. 90.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья 156 УК сформулирована таким образом, что она своим содержанием охватывает ответственность всех лиц, обязанных заботиться об оставленном в опасности. Ст. 156¹ УК, предусматривающая ответственность капитана судна за неоказание помощи терпящим бедствие на водном пути, и ст. 157 УК, предусматривающая ответственность медицинских работников за уклонение от оказания медицинской помощи, по существу являются специальными видами преступления, предусмотренного ст. 156 УК. Не будь в кодексах этих норм, предусмотренные в них случаи полностью попадали бы под действие ст. 156 УК, поскольку оказание помощи медицинским работником и капитаном судна является их обязанностью, установленной законом. В этой связи возникает вопрос о праве на существование ст. ст. 156¹ и 157 УК. Поставленный вопрос является частью проблемы о соотношении специального (частного, видового) и общего (родового) в уголовном законодательстве, о правилах, которыми должен руководствоваться законодатель, выделяя специальное из общего, то есть выделяя в самостоятельный состав преступления деяния, укладываемые в рамки уже имеющегося в законодательстве состава.

Состав преступления всегда конкретен. Описанию его признаков предшествует изучение и обобщение отдельных явлений, опасных для данной системы общественных отношений. В процессе этого изучения законодатель объединяет основные признаки, свидетельствующие

об общественной опасности поведения, и создает конкретный состав преступления. Так, обобщая разнообразные случаи оставления без помощи (физической и медицинской) человека, оказавшегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению в результате различных обстоятельств, если эта помощь не была оказана лицом, обязанным заботиться об оставленном, законодатель ввел понятие оставления в опасности.

Однако общая формулировка в ряде случаев оказывается недостаточной, так как она лишает возможности различать общественно опасные действия (бездействие), хотя и попадающие под эту формулировку, но имеющие свою специфику, свои особенности. Такие составы, как правило, выделяются из общей формулировки и таким образом создаются специальные составы преступлений. Так, из родового состава, предусмотренного ст. 156 УК, выделены специальные составы, предусмотренные ст. ст. 156¹ и 157 УК.

Состав уклонения от оказания медицинской помощи и состав неоказания помощи капитаном судна имеют по сравнению с неоказанием помощи погибающему специфические, только им присущие черты.

Уголовные кодексы ряда союзных республик предусматривают, как уже отмечалось, ответственность за неоказание помощи погибающему посторонним лицом. По существу этот состав отличается от всех других лишь отсутствием у виновного специальной обязанности заботиться об оставленном, в силу чего ответственность ограничена случаями наступления тяжких последствий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Оставление в опасности лицом, специально обязанным заботиться об оставленном	6
Глава II. Неоказание помощи на водном пути	25
Глава III. Неоказание медицинской помощи	33
Глава IV. Неоказание помощи погибающему посторонним лицом	57
Глава V. Наказание за оставление в опасности	64
Заключение	70

Горелик Иосиф Исаакович

„Ответственность за оставление в опасности
по советскому уголовному праву“

Редактор *И. М. Черных*

Обложка художника *К. А. Попрядумина*

Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*

Технический редактор *Н. В. Тимофеева*

Корректоры *В. А. Зорина* и *Ю. С. Захарова*

Сдано в набор 3/VIII 1959 г. Подписано в печать 5/XI 1959 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем физ. печ. л. 2,25; условн. печ. л. 3,69;
учетно-изд. л. 3,87. Тираж 10 000. А-07033. Цена 1 р. 15 к. Зак. 630.

Госюриздат — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38 — 40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29.